Ровесник
12
1978

РОВЕСНИК

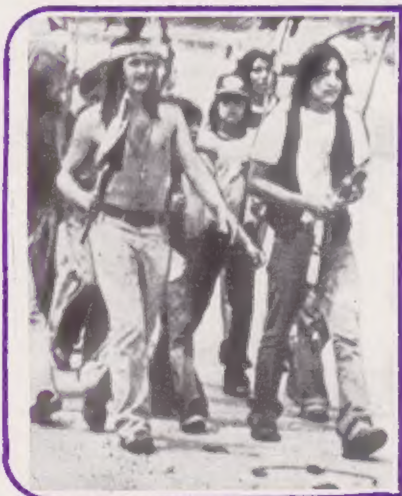
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Декабрь, 1978 год, № 12*

1 ЯНВАРЯ 1979 ГОДА — 20-я ГОДОВЩИНА КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Об острове Свободы рассказывают члены «Бригады Антонио Масео».

•

Курт Воннегут и другие американские авторы — о правах американцев.

На первой странице обложки: 20 лет, в кармане диплом о среднем техническом образовании и ни одного сантима. «В обществе «равных возможностей» мне досталась только одна возможность — искать работу или, отчаявшись найти ее, просто ждать, а вдруг в новом году появятся рабочие места и для таких, как я», — говорит молодой пикардиец из маленького городка Фликсекур на западе Франции. «Таких, как он, — пишет еженедельник «Юманите диманш», из которого взят этот снимок, — сегодня во Франции более полумиллиона».

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/X 1978 г. Подп. к печ. 15/XI 1978 г. А06238. Формат 60×90⅛. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1836.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛОНДОН. «Кампания против безработицы среди молодежи», объединяющая сотни тысяч юношей и девушек Англии, выступила организатором демонстрации в Брайтоне, где проходил съезд Британского конгресса тред-юнионов. Ее участники, приехавшие из всех городов страны, обратились к делегатам с призывом потребовать от лейбористского правительства перейти от слов к делу — ассигновать средства на новые рабочие места.

БОНН. Официальная статистика не сообщает точное число безработных молодых людей в ФРГ — к такому выводу пришли две специально созданные в Нюрнберге и Гёттингене комиссии, исследовавшие эту проблему. Число «лишних» рабочих рук растет из года в год, а в сводки и бюллетени еще два года назад «по забывчивости» не включили 100 тысяч человек, для которых нет места на предприятиях. Такая «забывчивость» стала хронической.

ВАРШАВА. В столице ПНР прошла встреча представителей молодежных организаций армий государств — участников Варшавского Договора, посвященная патриотическому и интернациональному воспитанию. В этой встрече приняли участие делегации братских армий из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии. Представители молодежи вооруженных сил социалистических стран обсудили задачи патриотического и интернационального воспитания в процессе боевой и политической подготовки.

НЬЮ-ЙОРК. Выступая на заседании комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, постоянный наблюдатель Организации освобождения Палестины при ООН З. Л. Терази осудил заключенную в Кемп-Дэвиде сделку как препятствующую осуществлению прав палестинского народа на самоопределение в соответствии с резолюциями ООН. Он заявил, что сепаратные трехсторонние переговоры между США, Египтом и Израилем, проходившие в сентябре этого года в Кемп-Дэвиде, не решили ни одной основной проблемы ближневосточного урегулирования, в том числе и палестинской. В подписанных в Кемп-Дэвиде документах даже не упоминается о признании законных прав арабского народа Палестины и полностью игнорируется Организация освобождения Палестины, являющаяся его единственным законным представителем.

На снимке: пренебрежение к судьбе этих палестинских ребят и их родителей со стороны участников сепаратных переговоров в Кемп-Дэвиде глубоко возмущает прогрессивную общественность арабских стран.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ТОКИО. В городе Мацумото состоялся XVI съезд Лиги социалистической молодежи Японии — организации, с которой советскую молодежь связывают традиционные отношения дружбы и сотрудничества. В нем участвовали 1500 делегатов, в основном молодые рабочие, так как именно эта социальная группа составляет 90 процентов членов ЛСМ. Основное место в повестке дня занял вопрос об организации борьбы молодых японских рабочих за свои права, против наступления монополий. В работе съезда приняла участие делегация ВЛКСМ.

ХАНОЙ. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан, выступая на расширенном пленуме Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, обратился к молодежи республики с призывом принять активное участие в выполнении новых задач, стоящих перед народом страны. Он отметил, что на всех этапах революции и социалистического строительства молодежь Вьетнама всегда была в первых рядах строителей нового общества. Согласно решению пленума 6,5 миллиона юношей и девушек из всех областей СРВ уже вступили в молодежные ударные бригады.

ОТТАВА. Уровень жизни коренных жителей Канады — американских индейцев несравненно ниже уровня жизни беднейших из самых бедных белых в этой стране. На сегодняшний день более половины канадских индейцев — 250 тысяч человек — содержатся в резервациях. Те 100 тысяч, что живут в городах, вынуждены ютиться в антисанитарных условиях в лачугах на окраинах, голодать. Катастрофически падает продолжительность жизни среди коренного населения страны: 70 процентов умирает, не достигнув 30 лет.

БЕРЛИН. 7 октября будущего года исполнится 30 лет со дня провозглашения Германской Демократической Республики. По призыву Союза свободной немецкой молодежи молодые рабочие, студенты, школьники начали подготовку к знаменательной дате, чтобы встретить ее новыми успехами в труде, учебе, спорте. Во всех областях народного хозяйства страны создаются ударные молодежные бригады, растет число молодежных строек, где члены ССНМ работают под девизом «Не терять ни одной рабочей минуты». Во время трудового семестра в этом году сотни студентов работали на предприятиях, стройках, в сельском хозяйстве, оказали большую помощь в уборке урожая.

На снимке: победители общереспубликанского соревнования молодежных бригад.

СОФИЯ. В этом учебном году в общеобразовательных школах и профессионально-технических училищах Болгарии введено в строй более 600 новых классных помещений. Так осуществляется программа по улучшению материальных и технических условий учебного процесса. Государство ассигнует миллионы левов на оборудование лабораторий и учебных мастерских для усовершенствования политехнического обучения. В этом году предполагается также завершить проведение школьной реформы, цель которой приблизить учебные планы к современному уровню научно-технических знаний.

БРЮССЕЛЬ. По данным официальной статистики за первую половину 1978 года, опубликованным в Брюсселе, молодые люди по-прежнему составляют большую часть безработных в странах «Общего рынка». Сейчас их число достигло во Франции 38, в Бельгии 42, в Нидерландах 46 и в Люксембурге 57 процентов от общего числа безработных. За один только месяц количество людей, потерявших возможность осуществить свое главное право — право на труд, выросло в странах «Общего рынка» с 5,6 до 5,9 миллиона человек. В наиболее тяжелом положении оказались трудящиеся Бельгии: здесь число не имеющих работы увеличилось за тот же период на 15 процентов.

УЛАН-БАТОР. В этом году число учащихся в школах МНР возросло на 6 процентов, что является свидетельством успешного развития и совершенствования системы народного образования. Особое внимание уделяется организации школ-интернатов. В них будут жить и учиться 58 500 ребят из семей скотоводов и земледельцев Монголии.

НИАГАРА-ФОЛС. Район вокруг Ниагарского водопада объявлен опасной зоной. В течение пяти лет предприятия химической промышленности спускали вредные отходы производства в канал, который соединен с Ниагарским водопадом. Сейчас, по данным комиссии по охране здоровья, концентрация вредных веществ достигла такого уровня, что председатель комиссии доктор Роберт Уэйлен предложил семьям, а тем, у которых маленькие дети, в первую очередь покинуть эти места. В ответ на это 20 семей заявили, что переезд для них — недоступная роскошь, а 150 семей в знак протеста отказались платить налоги. Жители этого района требуют от правительства и химической корпорации «Хупер» оказать им необходимую для переселения финансовую помощь.

На снимке: одиннадцатилетний Джоэль Гонглиан, родители которого не имеют средств на переезд, живет в районе, объявленном опасной зоной.

смотрите!

1 ЯНВАРЯ
1979 ГОДА—
20-я ГОДОВЩИНА
КУБИНСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

„МОЯ СТРАНА, МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

С. БОРИСОВ

Вечерами на скамейках у автобусных остановок в «маленькой Гаване» сидят пожилые мужчины. Сидят, курят, молчат. Они не ожидают автобуса. Им некуда ехать. Просто в этом районе Майами, населенном кубинскими эмигрантами, нет ни бульваров, ни скверов. Вот они и собираются у автобусных остановок. Но ехать им некуда. «Маленькая Гавана» на чужбине — их последняя, тупиковая станция в жизни.

Сам я в Майами не бывал, про тоскливые посиделки на уличных скамьях мне рассказали дети этих потерянных людей.

«Они самые несчастные среди нас, — заключила, вздохнув, девушка в белой безрукавке с надписью: «Бригада Антонио Масео» [1]. — Их гложет не только ностальгия. Тут все. И потерянная работа, и загубленная жизнь. И главное — их мучит совесть. Тогда, в шестидесятом, шестьдесят первом, они сбежали от революции, а теперь в глубине души понимают, что поступили подло по отношению к своему народу. Вот и сидят молчат. В этом стыдно

---

[1] *Антонио Масео (1845—1896) — национальный герой Кубы, один из руководителей борьбы против испанского господства.*

признаться даже самому себе, не то что вслух». Моя собеседница задумчиво помешала причудливой пластмассовой палочкой коктейль в бокале, взглянула на меня: теперь понятно?

Да, сбылось предсказание Фиделя Кастро, гневно брошенное вслед тем, кто в первые годы революции покинул родину. А таких были многие тысячи. Бежали в объятия США не только те, кто все равно был бы врагом революции (бывшие владельцы плантаций и фабрик, банкиры и высшие чиновники), но и те, на чьи знания и руки народ имел полное право рассчитывать, — врачи, инженеры, преподаватели. Выступая 10 августа 1962 года на площади Революции в Гаване перед учащимися средних школ, Фидель Кастро под дружный смех и аплодисменты говорил:

«Уже сейчас мы знаем, что станет со всеми этими людьми: «Какой я был дурак!», «Какой я был идиот!», «Какой я был индюк!», «Как меня надули!» Мы знаем, что станет со всеми этими людьми: время позаботится о том, чтобы разбить их иллюзии, время позаботится оставить свой след. Это видно уже сейчас. Но сейчас все еще не так видно, как будет видно потом, когда они, с уже побелевшими головами, уже поседевшие, осознают, что на протяжении многих лет были попрошайками и лакеями империализма: презираемыми и эксплуатируемыми... Всю свою жизнь отныне они будут нести клеймо близорукости, слепоты, дезертирства и предательства».

Я кивнул собеседнице: да, все понятно. Она сказала: «Это еще не всё. Им, которые на скамейках, стыдно перед нами, их детьми. По их вине мы лишились родины, росли, стесняясь своей кубинской национальности. Я до шести лет говорила только на английском... Им давно понятно, что не надо было тогда уезжать, но в ошибке своей никак не хотят признаться. Все это очень сложно...»

Она поднялась: «Мне пора». Возле открытой двери в другом конце гостиничного вестибюля стоял юноша в такой же безрукавке с надписью: «Бригада Антонио Масео» и, глядя на нас, выразительно тыкал пальцем в циферблат часов. «Если вам интересно то, о чем я говорила, приходите вечером в клуб кубинской делегации. Там будет вся наша бригада. А сейчас я должна пойти на пресс-конференцию. Мы хотим найти в зале кого-нибудь из «большой» американской прессы и дать интервью о том, что такое «Бригада Антонио Масео». Думаем, они клюнут, мы их повадки знаем. Пока мы здесь, в Гаване, на фестивале, мы, какая ни на есть, а сенсация. Как же: дети кубинских эмигрантов, а братаются с кубинской революцией! Пусть про нас узнает побольше американцев».

Ребята рассчитали точно. Пресс-конференция была одной из тех, на которые собирались все американские корреспонденты, аккредитованные при пресс-центре XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в гостинице «Гавана-Либре». С разоблачениями преступной деятельности ЦРУ против Кубы в тот день выступал офицер кубинских органов безопасности Николас Сиргадо Рос, которого ЦРУ считало своим агентом в течение десяти лет вплоть до октября 1976 года. Сотням журналистов, заполнивших зал «Эмбахадор», были представлены новые неоспоримые доказательства грязной тайной войны, которую все двадцать лет существования народной власти на Кубе ведет империализм США. Причем свои подлые «операции» он проводит в основном руками наемников из эмигрантов. «Маленькая Гавана» в Майами — это не только кающиеся молчальники на скамейках. Она была и остается настоящим осиным гнездом, где действуют до зубов вооруженные с помощью ЦРУ банды «Альфа-66», «Бригада 2506», «Абдала» и многие другие. Чтобы в этой обстановке заявить о солидарности с кубинской революцией, надо иметь немалое мужество. Недаром кубинская печать проявила максимум осторожности, описывая первый приезд на родину членов «Бригады Антонио Масео» в декабре 1977-го — январе 1978 года. Типичное примечание одного из репортажей тех дней: «Мы умышленно изменили имена наших собеседников, ибо от этого во многом зависит их дальнейшая судьба и даже личная безопасность».

Мне трудно судить о том, насколько оправданными были эти предосторожности (во всяком случае, я не заметил, чтобы моих собеседников хоть сколько-нибудь беспокоило, что их имена появятся в печати; скорее наоборот). Но этот штрих дает представление о том, как Куба отнеслась к юношам и девушкам, родившимся на ее земле, но жившим в разлуке с ней семнадцать-восемнадцать лет. Она приняла их как мать, заботливая и нежная.

Что же это за организация, «Бригада Антонио Масео», и кого она объединяет? Если в двух словах, то это совсем молодая организация, возникшая в США в 1977 году. Ее создали дети кубинских эмигрантов, поставившие себе целью помогать социалистической Кубе всеми доступными им средствами. Как могло случиться, что они пришли к этой мысли? Ведь буквально все — и школа, и печать, и «улица», и даже семья, их собственные родители, — всё, что их окружает с раннего детства, пропитано враждебностью к кубинской революции.

Об этом и был разговор за импровизированным «круглым столом» «Ровесника» в клубе кубинской делегации неподалеку от набережной Малекон. Был предпоследний день фестиваля, по Малекону в этот час двигался феерический карнавал. А мы, человек шесть-семь, сидели в пустом ресторанном зале, между прочим, действительно за круглым столом. Двери мы закрыли, но все равно из фойе доносилась музыка, смех. Только что закончилась торжественная часть встречи делегаций Кубы, США и Канады. Перед гостями выступил Фидель Кастро. Как обычно, темпераментный, в плотно облегающем темно-оливковом френче, команданте спрыгнул со сцены, «прорвался» сквозь заслон кино-, фото- и телерепортеров к первым рядам, поближе к аудитории, и говорил, стоя на стуле. «Я знаю, — сказал он, — что ваша делегация представляет лучшую часть молодежи США, прогрессивные силы. Что в ней представлены североамериканские негры, индейцы, чиканос, латиноамериканцы, пуэрториканцы... В ней, к нашей радости и удовольствию, есть также молодые кубинцы, живущие в США, члены «Бригады Антонио Масео».

Было только естественно, что наш разговор начался с обмена впечатлениями о речи Фиделя Кастро. «Я уже второй раз вижу его так близко, — сказал высокий худощавый юноша в очках, Рафаэль Бетанкур. — В первый раз это было в январе. Фидель тогда провел с нами, с «Бригадой Антонио Масео», четыре часа. Меня в нем вот что подкупает. Он видит будущее и видит сегодняшние проблемы людей. И умеет говорить так, что его понимают. Вот и сегодня он поднял вопросы, которые на уме у всех американских делегатов. Об экономической блокаде Кубы Соединенными Штатами, о целях социалистического строительства на Кубе, о положении в мире. И какая искренность в его словах... Красивый человек во главе красивой революции. Он такой человечный, теплый, что мне хочется его обнять. Честное слово, прямо стиснул бы, как родного отца, вот так!» — Рафаэль рассмеялся, и рассмеялся весь наш «круглый стол».

Итак, члены «Бригады Антонио Масео» о себе, о своей организации, о Кубе.

Рафаэль Бетанкур. Мой отец работал инженером, и нашу семью можно было считать буржуазной — и по взглядам, и по зажиточности. Но родители ненавидели режим Батисты и радовались успехам Повстанческой армии Фиделя. Ее окончательную победу 1 января 1959 года наша семья встретила как праздник. Зато потом... Потом, когда стало ясно, что революция перерастает в социалистическую, и когда обострились отношения Гаваны с Соединенными Штатами, отец стал готовиться к отъезду. Мы уехали в апреле 1961 года, как раз в те дни, когда Фидель провозгласил революцию социалистической. Мне было девять лет.

Два года мы бедствовали в Майами, у отца не было работы. Перебрались в Новый Орлеан. Если расизм в США — явление повсеместное, то Новый Орлеан им просто пропитан. В школе мне на первых порах проходу не давали, дразнили. Я очень по-детски на это реагировал. Пытался стать во всем похожим на «настоящего американца», избавиться от всего, что сидело во мне кубинского. И одновременно во мне закипало озлобление. Ведь в семье мне с ранних лет говорили, что надо быть патриотом, как мои прадеды, которые воевали в девятнадцатом веке против Испании за независимость Кубы. В общем, я был очень не в ладах с самим собой. Мы прожили в Новом Орлеане пять лет и вернулись в Майами. Я поступил в университет.

В то время по всей стране прошли бурные выступления негров. Разрасталось движение молодежи против войны во Вьетнаме. На одном антивоенном митинге в кампусе я встретил пятерых школьных друзей, тоже кубинцев. С тех пор мы всюду были вместе — на митингах, демонстрациях. Мы вроде бы были ничем не хуже других американских студентов — искренне боролись против расизма и войны, за мир и гражданские права. Но долго обманывать себя не могли. Мы же кубинцы и, значит, должны были четко определить свое отношение к кубинской революции. Для нас, прогрессивно мыслящих студентов, могло быть только одно решение — принять революцию.

Да, сначала мы ее приняли умом, по логике политической борьбы. Но прошло совсем немного времени, и мы приняли ее и сердцем тоже — когда раздобыли и почитали книги о новой Кубе. Мне так захотелось обратно, в Гавану! Но в те годы это еще было невозможно. Мне хотелось хоть что-то сделать хорошего для своей родины. Я прервал учебу и на год уехал в Пуэрто-Рико, где попытался создать организацию молодых прогрессивных кубинцев. Вернувшись в США и получив диплом экономиста, я стал сотрудничать в новом журнале «Арейто», который издает группа молодых кубинцев. Именно наша редакция выдвинула идею создать «Бригаду Антонио Масео».

Я был в составе группы, которая поехала на Кубу в конце декабря 1977 года. В тот раз я был, пожалуй, слишком возбужден, взвинчен как-то. Хотел увидеть все за один присест. И если что-то от меня ускользало, что видели другие, если где-то я не успевал побывать, то злился, переживал. Сейчас я чувствую себя как дома. Словно и не уезжал ни в какие Штаты. Это моя страна, моя революция. Я ощущаю себя ее частицей. Просто уж так сложилось, но я тоже работаю на революцию.

О своих впечатлениях от встречи с родиной я могу говорить без конца. Кубу не узнать, особенно деревню. Но для меня самым удивительным и радостным было ощутить, что я думаю и смотрю на мир так же, как мои ровесники на Кубе. Я знаю, им пришлось нелегко. Они должны были в эти годы и добивать банды в горах, и рубить сахарный тростник, и успевать учиться и работать. Я жил в иных условиях, и все же мы, оказывается, похожи во всем — в мировоззрении, в темпераменте, даже в манере шутить и развлекаться. К этой похожести мы пришли разными путями. Их опыт — строительство социализма, мой — борьба с капитализмом. Их опыт — строительство нации, мой — попытки найти мою нацию. Вы понимаете, что значит для меня, человека, не бывшего на родине семнадцать лет, обнаружить, что я не оторвался от народа, что я его понимаю, а он понимает меня?..

Марио Гутьеррес. Мой отец покинул Кубу еще в начале 30-х годов. Он был одним из руководителей студенческих выступлений против диктаторского режима генерала Мачадо. Семья матери эмигрировала еще раньше, во время войны за независимость против Испании. Мой прадед был мамбисом. Мамби значит «сын обезьяны и ястреба», то есть некое загадочное существо. Так испанцы прозвали кубинских повстанцев. Я родился в США, но в семье, где чтут революционные традиции. И все же я не сразу понял, что происходило после 1959 года на Кубе.

Началом моего, так сказать, политического прозрения я считаю участие в движении студенческого протеста. Вьетнам, бомбежки Камбоджи, расстрел студентов Кента, а позже выступления индейцев и чиканос — вот что меня занимало больше всего. Постепенно я стал задумываться и о Кубе. Не мог же я, кубинец, придерживаться прогрессивных взглядов по другим вопросам и оставаться нейтральным по отношению к кубинской революции. Я стал искать все, что связывает меня с родиной моего отца. Поиск правдивой информации о Кубе требовал, между прочим, определенной настойчивости, так как блокада Кубы, установленная Вашингтоном, не только экономическая, но и политическая и культурная. Меня оскорбляла и злила ложь, которой буржуазная пропаганда поливала Кубу. Когда я услышал о создании «Бригады Антонио Масео», для меня не было вопроса: вступать или не вступать? Это то, что нам нужно, сказал я. Надо открыть людям глаза на кубинскую действительность.

Маурисио Гастон. Мне было двенадцать, когда родители увезли меня с Кубы. Это мой второй приезд, я тоже был здесь в декабре — январе вместе с другими бригадьеро. Многие из нас, как уже говорили Рафаэль и Марио, начинали с участия в том или ином движении протеста — за мир во Вьетнаме, за справедливость в отношении к черным американцам, пуэрториканцам, индейцам. Но от своих родителей мы унаследовали, как правило, их отношение к кубинской революции, то есть самое, мягко говоря, негативное. И вот получалась неувязка. Например, твой североамериканский товарищ по движению в поддержку Вьетнама говорит тебе: «Ладно, верю. В вопросе о Вьетнаме ты искренен. Но ты же кубинец. Как насчет Кубы? Что ты думаешь о блокаде?» Вот так сама жизнь ставила нас лицом к лицу с фактом: если мы действительно искренне боремся за справедливость и мир, за свободу и независимость всех народов, против преступной политики империализма, то мы должны взглянуть правде в глаза и признать, что Куба — один из самых ярких образцов этой борьбы.

Естественно, играл роль и национальный фактор. Все-таки мы кубинцы и не могли относиться безразлично к судьбе родины. В различных общинах, в университетах стали возникать кружки молодых кубинцев. Шли споры. Одни уже полностью стояли за революцию, другие просто хотели для начала взглянуть на Кубу своими глазами. Появился журнал «Арейто», другие студенческие издания, в которых рассказывалась правда о Кубе. Наконец «Арейто» выступил с инициативой послать на Кубу бригаду добровольцев, которые поработали бы там на какой-нибудь стройке. Ответ из Гаваны, от Кубинского института дружбы народов, пришел тотчас: приезжайте, ждем.

Нас было пятьдесят пять человек. Конечно, когда нас увезли с Кубы, мы были еще совсем детьми, по десять-двенадцать лет. Но кое-что в памяти все же сохранилось. И кто больше помнил, тот больше удивлялся. Нас поразила прежде всего деревня. До революции она была печальным зрелищем. Нищета. Босые, раздетые дети. Грязь. Безграмотность. Болезни. Что же мы увидели? Дети накормлены, ухожены, учатся в новых школах. С неграмотностью покончено. Отношения между людьми по-настоящему человечные, теплые. Мы почувствовали политическую зрелость народа, его уверенность в себе, в своих руководителях и в правильности курса, которым идет страна.

Нас принимали как родных. Фидель так нам и сказал: мы вас считаем своими детьми, которые вернулись домой. Он разговаривал с нами целых четыре часа. У многих во время той встречи глаза на мокром месте были. Мы были как одна большая семья, которая наконец-то собралась вместе, перебирали пережитое за долгие годы в разлуке. Ведь в 60-х годах многие по глупости своей уехали, поддались слухам, которые распускали недобитые батистовцы и «Голос Америки». Иные, если сами почему-нибудь не могли уехать, отсылали за границу детей с родными или знакомыми. Иначе, верили, их детей отберут и увезут в холодную Сибирь. Народная власть постановила сделать всем без исключения детям прививки против полиомиелита, и тут же пошел гулять слух, что при помощи советской вакцины их «хотят сделать большевиками». У нас в делегации есть парень, который встретился теперь с родителями, восемнадцать лет спустя. А послушайте историю Хосефины...

Хосефина Эрнандо. Меня увезла с Кубы мать. Тоже восемнадцать лет назад. Отец остался. Он пытался образумить ее, но надо знать мою мать и ее семейство... Она настояла на своем. Развелась с моим отцом, забрала меня, сестру и брата за границу. Мы жили в Колумбии, потом в Венесуэле. Позднее я порвала с матерью и одна уехала в США. Уже в то время я увлеклась марксистской литературой. Но что касается Кубы, во мне еще долго сидели предубеждения, которыми меня напичкали мать и ее родня. Меня переубедили рассказы людей, побывавших на Кубе, книги и фотографии, которые они привезли. В «Бригаду Антонио Масео» я вступила потому, что хочу помочь своей стране прорвать блокаду, организованную Соединенными Штатами. И еще для того, чтобы распространять правду о социализме.

Все эти годы я не знала, что с моим отцом. По слухам, он то ли был убит, то ли посажен в тюрьму. Короче, я не надеялась, что когда-нибудь увижу его. И все-таки упросила одного товарища, который ехал на Кубу, расспросить о его судьбе. И вот совсем недавно я узнаю, что отец жив-здоров, по-прежнему занимается адвокатской практикой. И никто его ни в какую тюрьму не сажал, и с революцией он живет, можно сказать, душа в душу. Дают мне и адрес его, и телефон. Звоню ему из Вашингтона, и сама верю и не верю, конечно. Вдруг ошибка? И тут слышу его голос. Восемнадцать лет прошло, а я знаю, что это он, его голос, никакой ошибки. Он: алло, алло! А я слова вымолвить не могу. Расплакалась. Ну, в общем, сказала ему, что скоро приеду на фестиваль, увидимся.

Он примчался в расположение нашей делегации на своем стареньком «фольксвагене». У нас как раз встреча с пионерами проходила. Торжественная линейка, все стоят, речь слушают. И тут его «фольксваген». Я как сумасшедшая подбежала, прямо через окно обняла его. Он даже затормозить как следует не успел, чуть на столб не наехал... Ему сейчас пятьдесят шесть. Я, оказывается, совсем забыла, что такое отцовская ласка. Мне даже както не по себе было сначала. А он гладил меня как маленькую по голове и все приговаривал, приговаривал слова какие-то из моего детства, совсем-совсем забытые.

Я очень горжусь своим отцом. Он знал, что ему придется, так сказать, переменить привычный стиль жизни, затянуть пояс. И все-таки остался на Кубе, принял революцию. И он гордится мной, тем, что я и в США помогаю кубинской революции.

Он очень хочет, чтобы я насовсем осталась с ним в Гаване. И я этого хочу. Очень. Но не могу... У меня нет семьи в США, меня удерживает другое. Я и другие, как я, мы же там выросли, знаем США изнутри, как свои пять пальцев, язык, атмосферу, обычаи. Кто лучше нас будет говорить американцам правду о Кубе? Вот почему я считаю, что мое место — во всяком случае пока — в США. Или, может быть, вы считаете, что мне там сладко живется? Это не так. Работаю секретаршей и тому рада. Мечтала учиться, заниматься социологией и журналистикой. Увы, на это нет денег. Живу я в латиноамериканской общине Вашингтона. Квартиру снимаю в складчину с подругами. Иначе не осилить плату. Но дело не только в деньгах. Нам тяжело в США из-за расизма, который ощущаешь на каждом шагу.

Об этом обо всем я и рассказывала отцу. А потом спросила его: «Ты почему нас сам не искал?» — «Так вы же погибли во время землетрясения в Венесуэле, — отвечает. — Я своими глазами видел вас в списках жертв»...

Марифели Перес-Стейбл. Мы уехали с Кубы в октябре 1960 года, сразу после того, как была объявлена национализация. Отец мамы владел самым крупным универмагом в Гаване, «Эль Энканто», и вот магазин этот перешел в руки государства. Потом, в апреле 1961 года, он сгорел, его подожгли враги революции. Тогда было много диверсий. Одна работница погибла, пытаясь потушить пожар. Теперь на месте магазина сквер.

Мы поселились сначала в Питтсбурге, штат Пенсильвания. Отец продолжал работать врачом, как и на Кубе. Я и брат учились. Я, наверное, должна повторить то, что здесь говорили до меня мои друзья. Я тоже сначала не питала особых симпатий к новым порядкам на Кубе. Но постепенно мне становилось ясно: если я защищаю право вьетнамцев и других народов самостоятельно решать свою судьбу, то у меня нет противоречий с кубинской революцией, которая тоже отстаивает это право.

Родители очень болезненно восприняли перемену во мне. Я гостила у них перед отъездом на фестиваль. Они меня и так и сяк отговаривали. Маму особенно мучил вопрос: как они объяснят родным и знакомым поведение дочери? Они и слышать ничего не хотят о Кубе, уши затыкают. А теперь и из-за брата переживают. Он тоже вступил в нашу бригаду.

Я сотрудничаю в журнале «Арейто» со дня его основания. Первый номер, тысяча экземпляров, вышел в апреле 1974 года. Потом месяца полтора эмигрантская пресса поливала нас оскорблениями. Как нас только не обзывали — и «платные агенты Кастро», и «подголоски Гаваны»... А мы только посмеивались. Значит, удар в точку пришелся. Пусть знают, что не все кубинцы в Майами думают одинаково. Последний, предфестивальный номер целиком посвящен «Бригаде Антонио Масео».

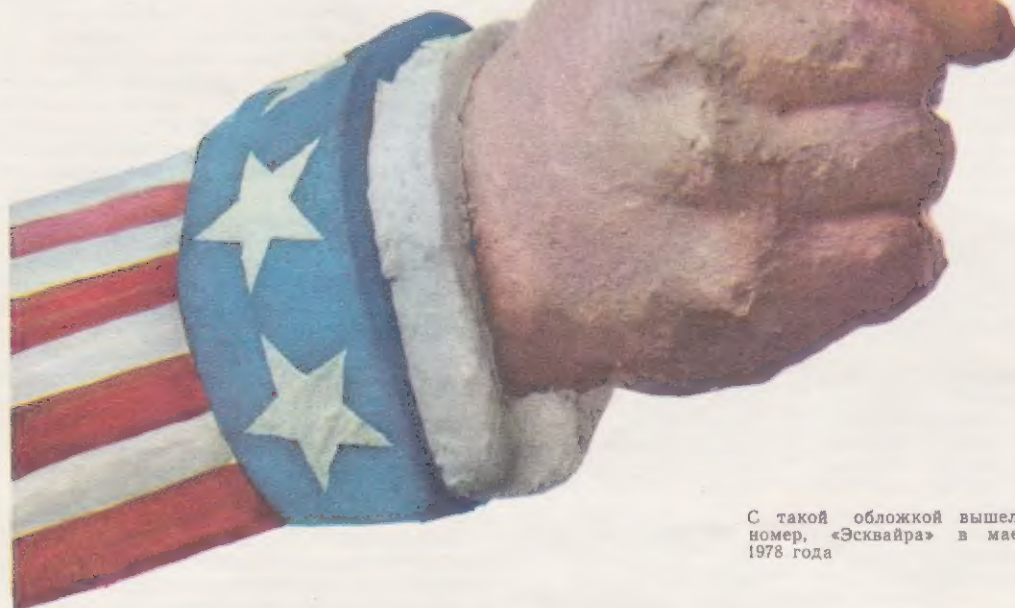
Из фойе донесся мощный хор голосов: «Куба — си, блокада — но! Куба — си, блокада — но! Фи-дель! Фи-дель!..» Мы вышли. У подъезда толпились делегаты. На улице стоял «газик». Мощная фигура в темно-оливковом френче, с кобурой на бедре, легко, одним прыжком уселась на место рядом с шофером. Взмах руки, улыбка, и «газик» резко рванул с места.

В черно-бархатном небе Гаваны сияли звезды. По стенам домов металась электрическая иллюминация. По тротуарам бродили толпы веселых людей. Шел первый час ночи — первый час последнего фестивального дня.

Гавана — Москва

● ЗАИМСТВОВАННОЕ ФАРИСЕЙСТВО ● СУДЬБА ЧЕТЫРЕХ ИЗ МНОГИХ МИЛЛИОНОВ ● ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ, БЫТЬ МОЖЕТ, СТАЛА БЫ СОЛНЦЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ ● ЧТО СКАЗАЛИ БЫ ИНОПЛАНЕТЯНЕ? ● СРОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ — ДВАЖДЫ ПОЖИЗНЕННО ●

С такой обложкой вышел номер, «Эсквайра» в мае 1978 года

ПРЕВРАТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО КУРЬЕЗА

ЧТОБЫ ВОЗБУДИТЬ СОЧУВСТВИЕ, АРИСТОКРАТИЯ ДОЛЖНА БЫЛА СДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО ОНА УЖЕ НЕ ЗАБОТИТСЯ О СВОИХ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ И СОСТАВЛЯЕТ СВОЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ БУРЖУАЗИИ ТОЛЬКО В ИНТЕРЕСАХ ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО РАБОЧЕГО КЛАССА... АРИСТОКРАТИЯ РАЗМАХИВАЛА НИЩЕНСКОЙ СУМОЙ ПРОЛЕТАРИАТА КАК ЗНАМЕНЕМ, ЧТОБЫ ПОВЕСТИ ЗА СОБОЙ НАРОД. НО ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА ОН СЛЕДОВАЛ ЗА НЕЮ, ОН ЗАМЕЧАЛ НА ЕЕ ЗАДУ СТАРЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ГЕРБЫ И РАЗБЕГАЛСЯ С ГРОМКИМ И НЕПОЧТИТЕЛЬНЫМ ХОХОТОМ.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии

Если бы не явные приметы времени, приведенная здесь цитата из первого программного документа научного коммунизма воспринималась бы как вынесенный сегодня приговор лицемерию буржуазного общества, с некоторых пор «обеспокоившегося» соблюдением прав человека в социалистических странах.

Но эти строки, написанные К. Марксом и Ф. Энгельсом 130 лет назад, высмеивают лицемерие другого эксплуататорского класса — феодальной аристократии! И вот без малого полтора века спустя, повторяя маневр истлевшего на свалке истории предшественника, капитализм, оказавшийся в сходной ситуации жесточайшего кризиса, хватается за средство, которое никого не обмануло и не спасло тогда и, что уж говорить, конечно, не обманет и не спасет сегодня.

Действительно, нелепо рассчитывать, что потомки тех, кто громким и непочтительным хохотом откликался на «заботу» эксплуататоров-феодалов о правах трудового люда, окажутся простодушнее своих предков и поверят в искренность эксплуататоров-капиталистов. Однако нелепость именно такого расчета стала фактом, свидетельствующим не столько о безнадежной глупости организаторов развернувшейся на Западе шумной кампании в «защиту» прав человека, сколько о безнадежном тупике, в котором находится буржуазное общество и его идеологи.

Извечным кошмаром капитализма в противоборстве с социализмом было и остается отсутствие идеалов, способных сплотить широкие массы, воодушевить молодежь, одухотворить общественное сознание. Сколько пролито по этому поводу слез в минуты откровения более или менее объективными идеологами капитала! Сколько предложено рецептов спасения буржуазной цивилизации от разложения! Сколько предпринято ухищрений, чтобы отвратить трудящихся от идей и идеалов социализма и коммунизма, затуманить сознание молодых поколений пропагандой преимуществ буржуазного образа жизни, прелестей свободного предпринимательства, заманчивых перспектив личного успеха!

А многое ли достигнуто? Более полувека буржуазный Запад ведет унылый счет «потерянным», «сердитым», «бунтующим», «разочарованным», «молчаливым» и т. д. и т. п. поколениям. Более полувека лихорадочно ищет и не может найти противодействия идеалам, реальное применение которым открыл Великий Октябрь.

Сейчас буржуазные идеологи, опьяненные иллюзией, что такое противодействие наконец-то найдено, сосредоточили все свои пропагандистские ресурсы на не существующей в условиях социализма проблеме прав человека, сколотили вокруг нее все реакционные силы в тщетной надежде расквитаться с социализмом за свои невосполнимые поражения и отступления, понесенные в последние 60 лет.

Недавно «Голос Америки» без тени смущения сообщил: «Первый раз у Запада появилось сильное идеологическое, идейное оружие». Не правда ли, откровенное признание — первый раз! (Это за 60 лет?) Но курьез заключается в том, что и этого «первого раза» в действительности не существует. Нет его! А есть очередная попытка в бессчетном ряду подобных же безуспешных попыток оболгать социализм, приписать ему пороки и язвы, характерные для общества, основанного на экс-

плуатации и угнетении и без эксплуатации и угнетения существовать неспособного.

В борьбе за выживание буржуазное общество и его идеологи не раз демонстрировали поразительную изворотливость, способность паразитировать на соответствующим образом препарированных идеалах демократии и социализма. Изуродовав до неузнаваемости присущую социалистическому обществу подлинную заботу о правах человека, намеренно игнорируя всемирно-исторические достижения реального социализма в обеспечении прав трудящихся на участие в управлении государством и обществом, на образование, жилище, выбор профессии, медицинское обслуживание и основу основ независимого, свободного существования — работу, о которых могут только мечтать граждане капиталистических стран, западная пропаганда пытается доказать недоказуемое и представить дело так, будто именно буржуазное общество является носителем идеалов свободы, будто именно капиталистические порядки гарантируют права человека.

Но вот парадокс: Соединенные Штаты, взяв на себя самозваную роль защитника этих прав, что-то не торопятся ратифицировать конвенцию ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, к которой присоединились свыше 80 государств. Они бойкотировали Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, не желают присоединиться к международному пакту о гражданских и политических правах, участниками которого являются более 40 государств.

Парадокс этот объясняется просто: у Вашингтона есть особые причины для того, чтобы не принимать на себя юридические обязательства, вытекающие из этих документов. Ведь присоединение к ним заставило бы американские власти держать ответ перед мировой общественностью и соответствующими международными органами за нарушение прав человека, превратившееся в США в систему.

Политика «защиты прав человека», провозглашенная вашингтонской администрацией, предназначена исключительно «на экспорт». На положение в самих США она никакого влияния не оказывает.

Публикуемые в этом номере «Ровесника» очерки и статьи — одно из многих тому свидетельств. И хотя в них не затрагиваются общеизвестные факты вопиющих нарушений прав человека в США, это, конечно, не значит, что борьба за освобождение Бенджамина Чейвиса и его товарищей по «уилмингтонской десятке», за спасение от смертной казни молодого активиста движения за гражданские права негров Джонни Харриса и тысяч других политических заключенных, о которых, к великому неудовольствию реакции, упоминал представитель США при ООН Эндрю Янг, утратила свое значение и актуальность. Напротив! Совесть людей доброй воли никогда не примирится с судьбой невинно осужденных граждан Америки.

Но если признания посла Янга лишь приоткрывают завесу, за которой давно всем известная, в частности, по судьбам Чейвиса, Харриса и других борцов за демократию и гражданские права в США истина о беспощадности капиталистической машины подавления, то истории, рассказанные американскими журналистами и писателями или записанные со слов непосредственных участников этих историй — американских индейцев, — вносят существенное дополнение в это вынужденное признание. А именно: счет жертв буржуазного общества идет не на тысячи, он неизмеримо больше. В этот обширный счет вписываются сотни и сотни тысяч рядовых американцев, подобных тем четверым, о которых рассказывает в статье «Последние рассерженные» журналист Ричард Ривз; подобных той негритянской девочке, трагической судьбе которой посвящен документальный очерк писателя Янта Томаса «Смерть маленькой поэтессы»; подобных тем коренным жителям Америки — индейцам, о положении которых с гневом и горечью пишет известный американский писатель Курт Воннегут и чей рассказ о походе на Вашингтон, услышанный во время XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, приводит корреспондент нашего журнала.

Этот счет неопровержимо свидетельствует об атмосфере преследований, которым подвергается каждый, кто осмеливается выступить против порядков и нравов хваленой обители «свободного мира», атмосфере ненависти, угнетения и бесправия, в которой задыхаются и гибнут люди, потерявшие надежду на лучшее будущее, на осуществление естественного стремления к существованию, достойному человека.

Знакомясь еще в рукописи с переводами статей американских авторов, представленных на последующих страницах «Ровесника», невольно задаешься вопросом: а читал ли кто-нибудь эти статьи в Соединенных Штатах Америки? Вопросом, впрочем, абсурдным — конечно, читал. Ведь они взяты из таких популярных в США изданий, как журнал «Эсквайр» и еженедельник «Виллидж войс». И что же? Быть может, как это принято в нашей стране, выступления органов американской печати в защиту кем-то несправедливо ущемленных граждан помогло восстановить справедливость и в результате, как говорится у нас, меры приняты? Чтобы выяснить этот вопрос, редакция сделала несколько телефонных звонков.

Первый звонок — коллегам в редакцию газеты «Вашингтон пост», чтобы справиться о судьбе журналиста Джона Ханрена, отстраненного от работы за поддержку забастовщиков. Нам ответили: «Ханрен в «Вашингтон пост» не работает. Где он сотрудничает сейчас, мы не знаем»...

Следующий звонок — в отдел информации Пентагона. Отменно вежливый майор, назвавшийся Питером Хефлером, на вопрос о том, как повлияла статья в «Эсквайре» на отношение к бывшему заместителю начальника интендантской службы ВВС Эрнесту Фицджералду, вся «вина» которого состояла в том, что он подтвердил в конгрессе факт перерасхода небезызвестной темными делишками фирмой «Локхид» 2 000 000 000 (двух миллиардов!) долларов, после несколько затянувшейся паузы ответил: «ВВС считает, что Фицджералд используется правильно. С выступлением «Эсквайра» у нас не согласны»...

Реакция на звонок из Москвы в спортклубе «Кардиналы из Сент-Луиса», за который в качестве центрфорварда выступал бейсболист Курт Флад, осмелившийся подать в суд на профессиональную лигу, узаконившую настоящее рабовладение и перепродажу своих игроков без их ведома, была по тону (не по существу) кардинально иной. Не пожелавший назваться бас прокричал через океан и пол-Европы: «Никакой статьи в глаза не видел. Это враки, что Флад без работы, хотя справок о нем мы не наводили. И вообще, с какой стати вы расспрашиваете о нем?!.»

После этого крика в штаб-квартиру генерального прокурора штата Алабама в городе Монтгомери мы звонили с чувством известной робости. Однако все обошлось как нельзя хорошо. Подошедший к телефону помощник генерального прокурора на наш вопрос о судье Фрэнке Джонсоне ответил: «Не знаю, о какой именно статье вы говорите. О судье пишут много. Он всегда был человеком твердых принципов. Да, было неприятное время, но сейчас в Алабаме все спокойно. Я не хочу сказать, что у нас все — сплошное совершенство, но мы стараемся справляться с возникающими проблемами в меру наших сил...»

Похоже, что из всех перечисленных в статье Ричарда Ривза «Последние рассерженные» горемык положение с судьей наиболее благополучно. Однако нельзя не отметить, что все без исключения ответы, полученные «Ровесником» и приведенные здесь, вне всякого сомнения, квалифицировались бы нашей печатью и нашими читателями как попытка отделаться пустой отпиской (в данном случае отговоркой). Так их квалифицировали мы и процитировали с единственной целью поделиться своим впечатлением с читателями.

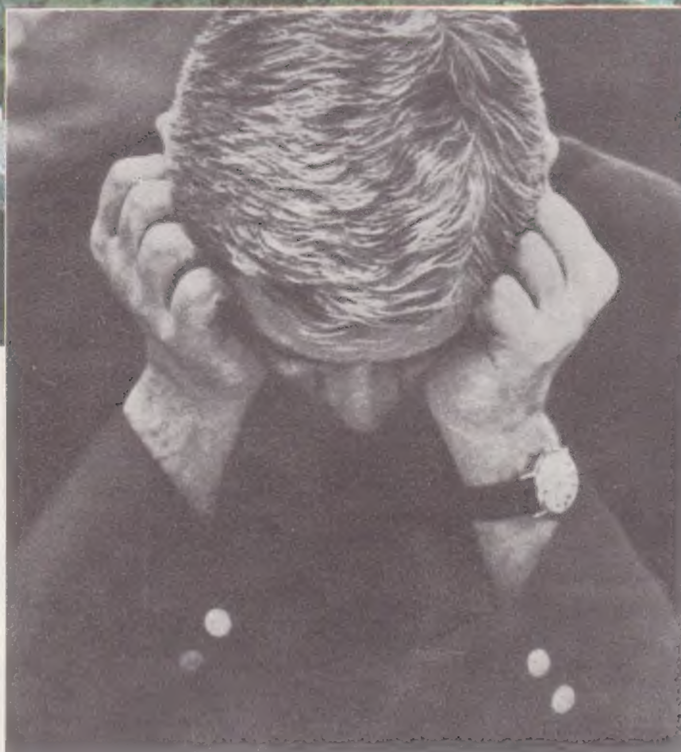
Что же касается трагедии Сюдеки Линды Гаррисон, маленькой поэтессы, о которой рассказывает Янт Томас, то проблемы свободы личности, затронутые в этом рассказе, по своим масштабам далеко выходят за рамки частных случаев, ставших, впрочем, в США правилом. Наверное, у читателя не возникнет сомнения по поводу того, кого следует винить в этой трагедии. Об этом прямо пишет в связи с положением другого притесняемого народа Америки — индейцев — писатель Курт Воннегут. «Геноцид» — так назвали бы, по его убеждению, инопланетяне политику в отношении коренных американцев. Не многим отличается эта политика и по отношению к негритянскому населению.

Чтобы прояснить позицию заокеанских «поборников» прав человека и в этом вопросе, редакция попросила корреспондента ТАСС в Нью-Йорке В. Бородина коротко рассказать нашим читателям, какие из предвыборных обещаний нынешней администрации Вашингтона негритянским избирателям выполнены, и получила с его помощью более чем краткий, но достаточно красноречивый ответ руководителя нью-йоркского отделения Национальной лиги (одной из крупнейших в США негритянских организаций) Вернона Джордана: «Ни одно из предвыборных обещаний относительно негритянского населения страны выполнено не было».

Вот, пожалуй, и все, что нам казалось необходимым сказать, прежде чем читатель познакомится с подборкой этого номера.

Думается, она поможет наглядно представить, как относится власть имущая Америка к нарушению прав своих граждан, какова на поверку истинная цена «сильного идеологического, идейного оружия», столь назойливо, как и всякий залежалый товар, рекламируемого «Голосом Америки», и, наконец, с какой совестью, руководствуясь какой моралью, буржуазный Запад, подобно своему хитроумному, но неудачливому историческому предшественнику, пытается «сделать вид, что он уже не заботится о своих собственных интересах», озабоченный до бессонницы нашими с вами интересами, дорогой читатель.

А. СЕМИН

ПОСЛЕДНИЕ РАССЕРЖЕННЫЕ

Ричард РИВЗ, американский журналист

— Послушай, Дик, — спросил я своего друга Ричарда Коэна, — ты не знаешь, чем кончилось дело с этим Ханреном?

— Не знаю, — ответил он.

— Его приняли обратно в «Вашингтон пост»?

— Нет.

Сразу было видно, Коэн не желал говорить о Джоне Ханрене. Они были друзьями еще в те времена, когда, молодые и честолюбивые, работали репортерами в Мэриленде, освещая политику для «Вашингтон пост». Вскоре Коэн стал вести рубрику городской хроники, а Ханрен занял пост заместителя редактора по штату Мэриленд. Пути их разошлись 1 октября 1975 года, когда журналисты захватили пресс-центр и объявили владельцам газеты забастовку. Коэн миновал линию пикетов и приступил, как обычно, к работе. Ханрен присоединился к забастовщикам.

Никто из тех, кого я знал по работе в «Вашингтон пост», не был склонен говорить о забастовке, Коэн в том числе. Я спрашивал из чистого любопытства, я ведь никогда не видел Ханрена. Но все приятели тут же переводили разговор на другую тему, смахивая при этом несуществующую пылинку с моего плеча. Что же произошло? Я знал только, что он был одним из тех, кто призывал расторгнуть контракт, если администрация попытается протащить на их места штрейкбрехеров; но ведь таких, которые с самого начала забастовки или позднее призывали к тому же, было немало. Чего я не знал тогда, так это того, что Ханрен единственный не был голословным. «Любому человеку по обе стороны баррикады было из-за чего краснеть, — сказал мне один знакомый. — Любому, кроме Ханрена». Когда появились штрейкбрехеры, он один из всех журналистов пожертвовал своей карьерой во имя...

Во имя... чего? Принципа? Тысячи людей готовы переступить черту — в данном случае штрейкбрехерскую, — но всегда найдется какой-нибудь одиночка, которого не соблазнят никакие посулы. А может, он слегка

того? Кое-кто из моих друзей в газете, прежде чем замять разговор о Ханрене, намекал на «легкий сдвиг». Как знать, не были ли они все «со сдвигом», все эти рассерженные: Курт Флад, возбудивший дело против бейсбольной лиги; Эрнест Фицджералд, бросивший вызов Пентагону; Фрэнк Джонсон, сражавшийся один на один со всем штатом Алабама в течение двадцати с лишним лет? Я, разумеется, перечислил не все имена, но список не столь уж длинный: не так много найдется смельчаков в этой свободной стране.

Да, подумалось мне, эти люди дорого заплатили за свои поступки. Однако на деле вышло гораздо дороже, чем я предполагал.

Когда я искал встречи с Фладом, игроком команды Сент-Луиса, подавшим в 1969 году в суд на профессиональную бейсбольную лигу в связи с «Положением о резервном эшелоне», его товарищ сказал мне: «Слушай, оставь его в покое. Махина, на которую он поднял руку, сломала его». Интерес к судьбе Джона Ханрена положил начало поиску бунтарей — людей, восставших против системы. Я захотел узнать, что двигало ими, какая судьба постигла их, чего они сумели добиться. То, что я узнал, поначалу обескуражило меня: всех, кто бросает вызов системе, почти наверняка ждет расправа. Люди, которых мне удалось разыскать, потеряли работу и друзей, пережили времена страшного одиночества, им угрожали смертью, подкладывали бомбы, трое из их детей кончили тяжелыми психическими расстройствами, а один дошел до самоубийства. Все это производило впечатление предопределенности: власти предержащие вели себя так, словно были вынуждены как можно круче расправиться с теми, кто осмелился покуситься на устои, дабы другим неповадно было.

Джон Ханрен был мало похож на человека, способного на смелые поступки. Но и сумасшедшим его не назовешь. Это был просто субтильный бородатый тридцатидевятилетний мужчина. Почему же он пожертвовал работой, приносившей ему большие деньги, и одним из самых высоких положений в своей иерархии? Верил он в одно — в профсоюзы. «Как бы они ни были несовершенны,— сказал он мне, когда мы встретились, — профсоюзы, и только они, могут отстоять права служащих. Пересеки я линию пикетов, я еще больше нарушил бы равновесие в пользу администрации. А на это я пойти не мог».

Такое не остается безнаказанным. Ханрен живет в Вашингтоне, всего в нескольких кварталах от меня, но разница между районами велика. Переоборудование квартиры, которое он с женой затеял еще будучи сотрудником «Вашингтон пост», пришлось приостановить из-за отсутствия денег. Когда вы входите в квартиру, вас встречают голые стены; двери и окна занавешены одеялами, чтобы не уходило тепло.

«С деньгами туговато, хочешь не хочешь — умеряй свои аппетиты»,— пожаловался мне и Эрнест Фицджералд. До того как командование ВВС освободило его в 1969 году от должности заместителя начальника интендантской службы, он зарабатывал порядочно. В течение четырех лет, прошедших с того дня, когда он подал в суд на командование, требуя своего восстановления, он получал гораздо меньше. В суде он заявил, что был уволен за то, что подтвердил в конгрессе факт перерасхода двух миллиардов долларов на производство транспортного самолета С-5А, который выпускала компания «Локхид». Вся его «вина» состояла в одном: он не пожелал отступить от своего принципа — говорить правду.

Фицджералд доказал на процессе свою правоту, и командованию ВВС ничего не оставалось, кроме как вернуть ему должность и оклад, но реальной работы ему уже не доверяли. Начальство пытается делать вид, что не замечает его; впрочем, это не всегда удается, поскольку Фицджералд человек цепкий и умеет разыграть из себя этакого простачка из Алабамы. «Салют, Уайти»,— бросил он какому-то пентагоновскому генералу, едва кивнувшему ему при встрече. «Кто это?» — «Ганс Дрисснак, — ответил Фицджералд. — Он был раньше моим военным помощником и по совместительству первым в списке осведомителей... Писал рапорты в бюро расследований, когда они следили за каждым моим шагом: все старались доказать, будто я свожу счеты с начальством, будто я извращенец и тому подобное». Тогда Дрисснак был полковником, сейчас он генерал-майор и финансовый директор ВВС. Он быстро пошел в гору, как и многие другие, приложившие руку к тому, чтобы поломать Фицджералду карьеру. Кстати, в их числе министр обороны Гарольд Браун, бывший тогда командующим ВВС.

«Поначалу я ничего не понимал,— признался мне Фицджералд. — До прихода в ВВС в 1965 году я зарабатывал много как консультант. После процесса, несмотря на то, что я его выиграл, мои прежние клиенты не пожелали иметь со мной дело. Наконец кто-то сказал мне, что я угодил в «черный список» министерства обороны. Хочешь работы, заявили они мне, открывай заправочную станцию».

«Черный список» постоянно является в кошмарах и Курту Фладу. И деньги тоже, хотя он утверждает, что сумел кое-что отложить в те времена, когда ему платили как одному из лучших центрфорвардов за всю послевоенную историю бейсбола, этой Величайшей Американской Игры. Сейчас Фладу сорок. Ему пришлось уплатить огромные судебные издержки. Вот уже два года он не работает. Флад с удовольствием бы вернулся в бейсбол. «Что я умею? Гонять мяч, и все». Но он ни на минуту не сомневается в том, что заправилы лиги его и близко к мячу не подпустят. Ведь он оказался единственным черным (о чем ему не перестают напоминать), осмелившимся подать в суд на профессиональную бейсбольную лигу, которая, приняв «Положение о резервном эшелоне», узаконила настоящее рабовладение. В 1969 году, когда началось его дело, игрок был собственностью клуба. Спортсмен должен был либо принять навязываемые условия, либо расстаться с командой.

Флад выбрал второе, не пожелав, чтобы хозяева «Кардиналов из Сент-Луиса» продали его в команду Филадельфии. Он повторил тогда знаменательные слова, неоднократно звучавшие на протяжении американской истории: «Я человек, а не вещь, чтобы меня покупать и продавать». Верховный суд Соединенных Штатов против этого не возражал, однако выяснилось, что бейсболисты... составляют исключение. Флад проиграл.

«Я вас очень прошу, не приезжайте сюда, — сказал мне Курт Флад, когда я позвонил ему домой в Аламеду, штат Калифорния. — Не будем ворошить прошлое, ладно? Вы даже не представляете, что мне пришлось выдержать. Да вы знаете, что ждет у нас того, кто бросится против течения? Соседи начинают тебя ненавидеть, друзья забывают о твоем существовании... Думаете, приятно, когда все обзывают тебя черным выродком, врагом бейсбола, Величайшей Американской Игры?»

Мы долго разговаривали, и он наконец согласился встретиться со мной в помещении начальной школы в Сакраменто. В этот день его попросили выступить там на митинге памяти Мартина Лютера Кинга. Большинство ребят ничего не знало о Фладе, поэтому задавались такие вопросы: «Сколько лет вы играли за «Кардиналов»?», или «Сколько очков вы заработали за все время выступлений?», или «Сколько денег вы получали?» Лишь один четырнадцатилетний школьник Эдди Мейорадо был в курсе того, что сделал Курт Флад. Он спросил: «Вас поддержали игроки? Кто-нибудь выражает вам благодарность?»

«Нет, — ответил Флад. — Никто».

В эту минуту он казался таким маленьким и покинутым. Роста он небольшого, и все его атлетическое сложение — результат накачивания мышц. Так что, я думаю, он частенько ощущал себя маленьким и беззащитным. Когда мы заговорили с ним о бейсбольных заправилах, Флад заметил: «Я вдруг понял, что стою один на один против девятнадцати мультимиллионеров». Он помолчал, а потом сказал: «Первое слушание в Нью-Йорке длилось шесть недель. Никого из бейсболистов не было в зале. Ни один не пришел. Даже мой товарищ по комнате, Боб Гибсон. Мы с ним прожили вместе десять лет...»

Эта изоляция — более страшная цена, чем конец обеспеченной жизни. Фицджералд вспоминал, как он вернулся в офис после дачи показаний о локхидовских махинациях и обнаружил на столе целую стопку извещений об отмене посланных ему ранее приглашений на официальные встречи, обеды и вечеринки. Ханрен с горечью рассказывал о своем бывшем друге Карле Бернстайне [1], который с известного времени, завидев его, сворачивает в сторону. Жена Ханрена Дебби постоянно носит темные очки, даже в комнате их не снимает, если рядом кто-нибудь из их прежних приятелей. «Когда встречаешь бывшего друга, столько всего вспоминается, — объяснял Джон Ханрен. — Лучше не бередить старые раны».

Фрэнк Джонсон запомнится не столько суровым законником, призывающим власти Монтгомери, столицы Алабамы, покончить с сегрегацией или полицию Сельмы разрешить марш в защиту граж-

---

[1] *Карл Бернстайн и Роберт Вудворт, журналисты из газеты «Вашингтон пост», первыми написали о взломе дверей в отеле «Уотергейт», штаб-квартире демократической партии, во время выборов президента в 1972 году, с чего началось знаменитое «уотергейтское дело», приведшее к отставке Р. Никсона. — Примеч. ред.*

данских прав, сколько одинокой фигуркой, бредущей по лужайке для гольфа на военно-морской базе в Максвелле в окружении вооруженной охраны. Сейчас ему пятьдесят девять. Впервые к нему приставили охрану двадцать два года назад. Тогда он помог Мартину Лютеру Кингу одержать первую победу, вынеся в суде решение о том, что негритянка Роза Паркс вправе занимать любое сиденье в общественном транспорте города Монтгомери. Это и сотня подобных судебных решений, бесивших многих местных жителей, не отразились на финансах Фрэнка Джонсона. Однако его принципиальность, дважды, по всей видимости, стоившая ему избрания в Верховный суд Соединенных Штатов из-за яростной оппозиции конгрессменов от Алабамы, надо думать, и впредь будет грозить ему большими неприятностями. Его единственный сын Джонни, которого на протяжении всей учебы в школе задирали в классе и на улице, сказал однажды: «Вы себе не представляете, что значит быть сыном Фрэнка Джонсона... Каждую минуту на взводе». Спустя год после этого признания Джонни Джонсон покончил с собой. Под окнами дома, как всегда, стояла охрана...

Джонсон не любитель рассказывать о себе самом. Это сделали его друзья, выразив суть характера Джонсона его собственными словами: «Закон надо чтить». Он республиканец. Никогда не был замешан в демонстрациях или еще в чем-то таком. В 1955 году президент Эйзенхауэр назначил его окружным судьей. Дела, которые ему приходилось разбирать, неизбежно восстанавливали против него многих влиятельных людей: он отменил в Алабаме подушный налог, упразднил привилегии белых фермеров при решении спорных гражданских дел, пересмотрел законодательство штата, уравнял в правах черных и белых полицейских. Всем этим он постоянно вызывал ненависть к себе.

Смелость и неприятности идут рука об руку, и все время по возрастающей. Сенатор Уильям Проксмайер без обиняков спросил Эрнеста Фицджеральда на заседании сенатской комиссии, верно ли, что перерасход средств на строительство самолета С-5А составил два миллиарда долларов против сметы. Другие свидетели солгали; Фицджеральд же сказал: «Ваша цифра, видимо, близка к истинной».

Не менее остро проблема выбора стояла перед журналистами из «Вашингтон пост». Руководство профсоюза журналистов столицы США Вашингтона выступило в поддержку пикетчиков, редакция газеты — против. Пятьсот с лишним сотрудников вернулись, несмотря на решение руководства, на свои рабочие места, около трехсот, в том числе пятьдесят репортеров и редакторов, присоединились к пикетчикам. Джозефа Мастранджело, пятидесятичетырехлетнего редактора отдела стилистики газеты «Вашингтон пост», преследовали в ту ночь кошмары: будто солдаты пускают слезоточивый газ против забастовщиков, точь-в-точь как в его далеком детстве в Бостоне. «Что было делать? — сказал он мне недавно. — Пожертвовать образованием детей и потом всю жизнь кусать себе локти?» И он пересек линию пикетов...

Тем временем издатель Кэтрин Грэхем вместе со своими помощниками предпринимала «бесстрашные» и небезуспешные действия, чтобы вовремя выпустить газету. Как выяснилось впоследствии, в ее распоряжении оказалось также не менее десятка непрофессиональных журналистов и около сотни специалистов, которых в течение трех лет обучали обслуживанию печатных станков в учебном заведении города Оклахомы, известном в газетном мире — правильнее сказать, печально известном — как университет штрейкбрехерства. Через десять недель после начала забастовки хозяева «Вашингтон пост» объявили о своем намерении принять на постоянную работу непрофессиональных журналистов, которые бы согласились работать за шесть долларов в час. Иными словами, боссы прижимали к ногтю профсоюз. Люди принципа, такие, как Джон Ханрен, остались на улице.

Фицджеральд тоже понял, что для него наступают тяжелые времена, когда спустя двенадцать дней после его показаний в конгрессе получил малоприятную бумагу. В ней говорилось, что данная ему ранее аттестация явилась результатом ошибки компьютера (как выяснилось впоследствии на судебном разбирательстве, первой и единственной за всю историю ВВС). Но он многого еще не знал. Например, того, что уже было спущено указание командующему ВВС Гарольду Брауну поскорей избавиться от него. Или что в день, когда ему предстояло давать показания, на стол министра обороны легла докладная: «Фицджеральд готов расколоться... Надо либо уламывать, либо готовить намордник...»

Фицджеральд, которому тогда было сорок два года, покусился на святая святых — «частную жизнь» овеянного легендами военно-промышленного комплекса. Подтвердив правду о финансовых перерасходах, он нанес удар по самой верхушке свободного предпринимательства, подкармливаемой заказами министерства обороны. Все это не без раздражения разъяснил ему один генерал из ВВС: «Поймите, Фицджеральд, через годдва я уволюсь в запас и стану консультантом на каком-нибудь военном предприятии. Для меня сократить смету военных ассигнований — все равно что самого себя без ножа зарезать».

Фицджеральд навлек на свою голову гнев таких высокопоставленных лиц, которые не останавливаются ни перед чем и которых газетная дискуссия о том, почему Пентагон решил сделать из него мученика, только забавляла. «Они действовали хладнокровно и методично, — вспоминал спустя девять лет Фицджеральд. — Они хотели преподать всем наглядный урок. Надо же было показать, что ждет человека, вышедшего из повиновения. Они и в коммерческих школах учат: воздействуй не словом, а делом. Нет ничего благороднее, чем бороться за правду, лицемерно заявляют они и тут же скручивают тех, кто внял этому призыву».

...8 октября 1969 года Курту Фладу позвонили из руководства лиги. Это был Джим Томи, помощник менеджера команды «Кардиналы из Сент-Луиса». «Курт,— сказал он, — тебя продали «Филадельфии». Тебя, Мак-Карвера, Хорнера и Байрона Брауна. В обмен на Ричи Аллена, Куки Рохаса и Джерри Джонсона. Желаю успеха!» Первым побуждением было совсем уйти из спорта, но потом он решил подать иск в суд и послал бейсбольному комиссионеру Бови Куну письмо следующего содержания: «Я не считаю себя чьей-либо собственностью, подлежащей купле-продаже...» Ответ Куна: «Не могу не согласиться с вами, вы человек, а не чужая собственность... Однако в данной ситуации об этом говорить не приходится».

Лето 1970 года Курт Флад провел, по его собственным словам, «слоняясь без дела и прикладываясь к бутылочке», в ожидании, пока его иск пройдет все инстанции вплоть до Верховного суда: столь высокие сферы вмешались потому, что Флад замахнулся не на что-нибудь — на бейсбольную монополию с ее особыми прерогативами, не подпадающими под юрисдикцию антитрестовских законов Соединенных Штатов, прерогативами, дарованными лиге решением самого Верховного суда от 1922 года в связи с тем, что бейсбол стал, по существу, синонимом Америки.

В 1971 году ему дали возможность сыграть в нескольких матчах, но возвращение в строй не принесло ему ничего, кроме разочарования. И ловкость и реакция оказались уже не те, два года без дела не прошли даром. Измучившись оттого, что проводит игры из рук вон плохо и все это видят, Флад решил исчезнуть. Он уехал на Майорку и купил там небольшой ресторан с баром, который назвал «Захолустная харчевня». Там он и прочитал в газете «Геральд трибюн» от 23 июня 1972 года, что проиграл процесс в Верховном суде пятью голосами против трех. Поражение было тем более обидным, что даже те судьи, которые голосовали против, высказались за отмену «резервного эшелона», добавив, однако, что ответственность за отмену дискриминационного «Положения» обязан нести конгресс, а не Верховный суд...

«Он человек ужасно ранимый, сплошной обнаженный нерв», — сказал о Курте Фладе журналист Ричард Картер, помогавший ему написать книгу в 1971 году. И, нужно сказать, руководство лиги отлично понимало, чем побольнее кольнуть Флада. Бейсбольные боссы и их подпевалы, спортивные журналисты, постоянно вдалбливали общественности, что Флад хотел обвести лигу вокруг пальца, что «этот продувной малый» вознамерился лишить американских детей любимой игры. Они добились своего, Флад отчаянно переживал из-за выдвинутых против него обвинений... Он вообще по природе человек, больше всего боящийся причинить кому-либо неудобства. Когда я спросил о его отношении к расовому вопросу, он задумался, а потом ответил: «Быть черным — значит постоянно ставить людей в неловкое положение из-за того, что они каждый раз не знают, как к тебе обратиться».

Предприниматели умеют нагнетать напряжение вокруг неугодного им человека, настраивать против него общественное мнение. Для этого достаточно исказить его высказывания, или публично усомниться в здравости его рассудка, или намекнуть на его склонность к извращениям. Как правило, изоляция оказывается для человека достаточным наказанием. Если нет — в ход пускается насилие. Так, например, в 1967 году была подброшена бомба в дом матери Фрэнка Джонсона, а сам он, как и многие другие, до сих пор продолжает получать рождественские открытки с угрозами скорой расправы. Стоило служащему компании «Локхид» Генри Дурхэму поддержать публично Эрнеста Фицджеральда после разобла-

чений в конгрессе, как повсюду в Мариэтте, его родном городе, на стенах появились надписи «СМЕРТЬ ДУРХЭМУ». Сначала последовало увольнение, а вскоре обстановка в городе настолько накалилась, что шериф был вынужден организовать охрану бывшего служащего авиаконцерна, пока тот наконец не покинул город. Последней каплей, повлиявшей на его решение, стала телефонная угроза, что не сегодня-завтра его дочери плеснут в лицо серной кислотой. Миссис Дурхэм, набожной женщине, было запрещено преподавать в воскресной школе. Когда же ее муж обратился за помощью к церковным властям, ему прислали... объемистый пакет с библейскими проповедями.

По американской терминологии, Дурхэм перестал быть «игроком, работающим на команду». Аналогичное обвинение бросила Фицджеральду никсоновская администрация, принявшая эстафету от джонсоновской в стремлении припереть к стене «нелояльного» чиновника из ВВС. В конфиденциальной докладной записке тогдашнему начальнику штаба Г. Холдеману говорилось:

«Нет сомнений, что Фицджеральд классный эксперт-финансист, как, несомненно, и то, что лояльность его крайне низка; а ведь в конечном счете все решает именно она. Надо быть последней свиньей, чтобы предать огласке тайны фирмы, в которой служишь... Предлагаю сделать ему небольшое кровопускание...»

Автор этой докладной записки от 20 января 1970 года — Александр Баттерфилд, помощник Холдемана. Не прошло и четырех лет, как ему самому сделали «кровопускание»: после того как он подтвердил под присягой, что президент Никсон записывал на пленку беседы в штаб-квартире демократической партии, Баттерфилд долгое время не мог устроиться на работу.

...В ванной комнате Джона Ханрена висит плакат: «Если каждый человек, к какой бы расе он ни принадлежал, не предпримет действенных усилий в защиту свободы, то рано или поздно он пожнет горькие плоды своего равнодушия».

Равнодушие становится принципом существования наших соотечественников. Газеты и журналы трубят о всплеске личной инициативы, но вся эта инициатива, если разобраться, не что иное, как перелицованный эгоцентризм. Когда мой отец наказывал мне добиваться всего самому и «быть мужчиной», он вовсе не имел в виду, что я должен стать эгоистом и дрожать за свою шкуру. Как много мы говорим об отзывчивости, прикрывая разговорами шкурничество! Чем это объяснить?

Этот вопрос я задал Чарлзу Питерсу, редактору и издателю скромного журнала «Вашингтон мансли». Ему, правда, не приходилось прошибать лбом стену отчуждения, но характер у него — кремень, он тоже из «сердитых». Рассуждает Питерс примерно так же, как мой отец, и если бы у него не было журнала, где можно излагать свои взгляды, он, я знаю, стучался бы во все квартиры со словами: «Мы не должны бояться риска. Пора сбросить с себя скорлупу собственничества и перейти — пан или пропал — к активным действиям. Довольно покрывать друг друга. У нас ведь как? Сегодня ты помог мне замести следы, завтра я тебе. Так было и с делом «Локхид»: промышленные тузы организовали круговую поруку и все вместе ополчились на беднягу Фицджеральда».

Сам Питерс «сбросил скорлупу», отказавшись от теплого местечка финансового инспектора в «Корпусе мира», чтобы основать в 1968 году свой журнал, где бы он мог наносить удары по всевозможным скорлупкам, разоблачая противозаконные действия государственных чиновников. Журнал существует исключительно благодаря закладыванию и перезакладыванию его собственного дома. От банкротства его пока спасает лишь то, что стоимость земельных участков на вашингтонской бирже все время растет.

В наши дни, считает Чарлз Питерс, все меньше остается людей, способных постоять за свои принципы, все больше таких, кто боится быть «не как все», спешит нацепить значок, говорящий о принадлежности к некоему клану. И вот на вопрос «С кем ты?» все чаще здесь и там сверкают в ответ никелированные значки. «Печальнее всего, — сокрушается Питерс, — что люди ищут свой идеал в блестящем кругу сильных мира сего... Возьмите, к примеру, какую-нибудь красотку на великосветской нью-йоркской вечеринке. Если вы хотите, чтобы она обратила на вас внимание, скажите ей с ходу, что вы на короткой ноге с издателем «Нью-Йорк таймс», или с Джимми Картером, или с Гитлером».

Распространенное оправдание беспринципности — «жена и дети». Примечательно, что большинство людей, с которыми мне довелось беседовать, не принимали этой проблемы всерьез. Взять хотя бы Джона Ханрена. У него четырехлетние близняшки, однако ни он, ни его жена ни разу не допустили мысли о том, чтобы сдаться на милость «Вашингтон пост». «Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы заикнуться о таком», — сказал Джон. «Ссылки на семью служат людям прекрасным оправданием, — заявил Эрнест Фицджералд. — Но то-то и оно, что семьи нередко выходят на поверку более мужественными, чем главы семейств».

Мне пришлось выслушать тысячи причин, из-за которых якобы люди не смогли присоединиться к забастовщикам перед зданием «Вашингтон пост»: «Поймите, с точки зрения карьеры...», «Главных-то виновников, тех, кто финансирует газету, все равно на месте не было...», «А чем, собственно, так уж плохо наше начальство? Кэтрин Грэхем, например, знает всех по имени и всегда здоровается при встрече...» — ну и тому подобное. А вот мнение Джона Ханрена: «Это вопрос принципов... Я понимал, один человек не делает погоды. Но должен же кто-то выйти первым! И я вышел».

Почему? Почему Джон Ханрен? Или Фицджералд? Или Флад? Или Фрэнк Джонсон? У каждого свой характер, свое прошлое.

Судья Джонсон — истинный сын Уинстонского графства в Алабаме, вошедшего в историю как «независимый штат Уинстон». Судейская мантия, которую он время от времени надевает, не может никого ввести в заблуждение. Его жена перестала ходить с ним в церковь, потому что всякий раз, когда проповедник особенно фальшивил, призывая к смирению, с языка Фрэнка Джонсона срывались крепкие словечки. Да, характером он тверд, как тверд в своих убеждениях, считая в числе прочего, что настоящие мужчины должны пить кофе без всяких там сливок, курить сигареты без фильтра, жевать резинку только фирмы «Ред Мэн» и заказывать исключительно шлитцевское пиво — «единственное пиво для настоящего мужчины».

Джон Ханрен родом из Форт-Доджа в штате Айова. Он с детства мечтал быть газетчиком и начал подрабатывать в местной газете еще подростком. Люди, которым довелось с ним работать в «Вашингтон пост», отзывались о нем как о человеке цельном и на редкость усердном. Звезд с неба он, правда, не хватал, но серьезные задания редакция ему поручала.

«Усердный». Это слово мелькало также в разговорах о Фицджералде и Джонсоне. Порой даже говорили «чересчур усердный». То же можно было бы сказать и о Фладе. Но больше всего меня поразило слово «естественный». В нем, на мой взгляд, ключ к пониманию этих людей, этих бунтарей. Они не крестоносцы, меньше всего их привлекала сама атмосфера схватки, честолюбивое стремление повергнуть противника. Не жаждали они и популярности. Их действия во многом определялись обстоятельствами. Не думаю, что Фрэнк Джонсон восстал бы против всего Юга, если бы не его служебное положение, обязывавшее его разбирать случаи нарушения гражданских прав. Курт Флад, возможно, не стал бы вести изнуряющую борьбу с лигой, оставь его менеджеры филадельфийского клуба в покое. Не будем гадать. Взглянем на этих людей с позиций сегодняшнего дня.

«Джон таков, каким он кажется, — сказала в разговоре со мной Элизабет Бекер, репортер из «Вашингтон пост». — Многие ли могут сказать о себе то же самое? Джон простой парень, в лучшем смысле этого слова...» Возьмем Эрнеста Фицджералда. Специальная комиссия ВВС, занимавшаяся его делом, отвела как нелепые выдвинутые против него обвинения в корыстолюбивых устремлениях и извращениях. Вместе с тем она процитировала одного осведомителя, писавшего, что «мистер Фицджералд при всей своей искренности и преданности делу видел все только в черном и белом свете, категорично деля людские поступки на «правильные» и «неправильные» и считая при этом правильными лишь собственные поступки». Фицджералд не имел ничего против подобной оценки: «Я не сделал тогда ничего такого, чего не делал ранее, просто на этот раз мои действия оказались у всех на виду».

«Я вас очень прошу, не создавайте у читателей впечатления, будто вся эта история подействовала на нас угнетающе, — просила меня при расставании Дебби Ханрен. — Никогда еще Джон не чувствовал себя более счастливым. И я тоже. Он ведь ощутил себя свободным человеком».

Она, конечно, права. После того как последние пикеты журналистов были наконец сняты в марте 1977 года, Джон Ханрен зашел в бар при «Вашингтон пост». Увидев его, какая-то незнакомая женщина, сидевшая у стойки, поднялась ему навстречу. Она обняла его и сказала сквозь слезы: «Придет день, Джон, и вы расскажете своим детям, как стояли до конца. Что будем рассказывать мы, одному богу известно».

Перевел с английского
Ю. МЫШКИН

Мы находимся
В гетто,
Что мы видим?
Беды,
Сыплющиеся как дождь.

Сюдека Гаррисон.
Посвящается Джамалу.

Ее нашли мертвой в шкафу, под шубой. Она лежала, свернувшись калачиком, прижав ноги к телу и положив голову на колени. Свитер на ней был пропитан кровью.

В пятницу, 10 февраля 1978 года, в штате Нью-Джерси Сюдека Гаррисон приняла 15 снотворных таблеток и осколком бутылки перерезала себе вены на руках. Ей было 15 лет.

Воскресенье, 1 января 1978 года. Мама зовет меня Линдой. Мое имя Сюдека. Банки знает, он говорит: «Нет, бабушка, она Сюдека». На рождество мне подарили пластинку Натти Дреда и тетрадку для дневника. Я Сюдека. Личность. Личность. Банки плачет. Ему не купили грузовик. Нет, женщина, не плачь, поет Марлей[1]. Это я. Я сказала им свое новое имя. Они смеются, издеваются. Но я буду писать каждый день. Джамал говорит: «Не забывай свое прошлое». Джамал говорит, что Боб народный певец. Он поет о Тренчтауне. Джамал говорит, что Тренчтаун недалеко. Малышка, не лей слезы. Нет, женщина, не плачь. Сюдека. СЮДЕКА. СЮДЕКА И ДЖАМАЛ.

У девочки на фотографии широкое лицо с глубоко посаженными глазами. Нижняя губа слегка изогнута, плоские скулы, как у эфиопки, черные волосы разделены в центре пробором и туго заплетены в толстые косички. Сюдеке 10 лет.

Миссис Гаррисон сжимает веки своими толстыми пальцами, чтобы удержать слезы. Она снимает фотографию с гвоздика. Тихим голосом рассказывает, как уговорила Сюдеку бросить школу и пойти работать. Она объясняет, что им нужны были деньги, чтобы оплатить операцию бедра, которая предстояла четырехлетнему внуку, Банки. Сестра Сюдеки Дина, которая работала секретаршей в Чикаго, не могла одновременно работать и заниматься сыном поэтому она оставила Банки у бабушки.

Понедельник, 2 января 1978 года. Дина приехала в Нью-Йорк. Джамал говорит: «Не ешь свинину, Дина». Мама говорит: «Перестань всех учить, какой умный нашелся». Они ссорятся. Дина говорит: «Больше не оставлю Банки здесь». Мама плачет и говорит свои обычные вещи. Они спрашивают, хочу ли я, чтобы Банки жил здесь, ведь он находится в моей комнате. Банки записал мне весь матрац. «Не будь эгоисткой», — говорит мама. «Я скоро уеду. Мне нужны два доллара на носки». — «Сначала убери комнату», — говорит мама. А денег все же не дает, смеется. Ничего себе шуточки. Но я продала марки и получила деньги. Джамал говорит: «Думай. Слушай Натти Дреда и думай». Что хорошо? Кто я такая? Мне нравится «Поговорим о блюзе». Помни, Сюдека, надо думать. Да будет со мной аллах. И Джамал тоже.

Джамал, парень в зеленой рабочей куртке, какие носят солдаты, рассказывает мне о Сюдеке. Ему 23 года, и за последние два года он имел работу только два месяца. Они дружили с Сюдекой. Он познакомился с ней на вечеринке в июне 1977 года. Он говорит, они сразу друг другу приглянулись и стали встречаться, чтобы поговорить.

«Почему она сделала это? Посмотрите, как она жила. И вы еще будете спрашивать? Она соприкоснулась с действительностью, вот почему она это сделала. Ей было пятнадцать. Она хотела стать кем-нибудь. Она начала читать книги и думать. Я рассказал ей о Фредерике Дугласе[1] и Бобе Марлее. Она пыталась разобраться в том, что происходит. Учителя ничего не объясняли ей. Какое им дело до того, что творится в голове у негритянских детей! Она была умная, удивительно умная. Почему они заставили ее бросить школу? — спрашивает Джамал. — Это единственное, что у нее было. Но ее мать сказала, что надо зарабатывать деньги, мыть полы у белых. Вот Сюдека не хотела этого делать. Но ее убедили, что она будет виновата, если Банки не сделают операцию. Она сопротивлялась».

У него блестят глаза, как у всех наркоманов. 27-летний брат Сюдеки Лестер дрожит и сосет палец. У него нет работы со дня возвращения из Вьетнама в 1970 году. «Джамал говорил ей: думай, читай, стань личностью, — рассказывает Лестер. — Мать велела ей идти работать, убирать комнаты, вести себя хорошо. Дина говорила, смотри за ребенком и перестань жаловаться. Я брал у нее деньги. Доллар на то, доллар на се. Она всегда давала. Я не помню ее мертвой. Я помню, когда она была совсем маленькой и все время задавала вопросы.

СМЕРТЬ М... ПОЭТ...

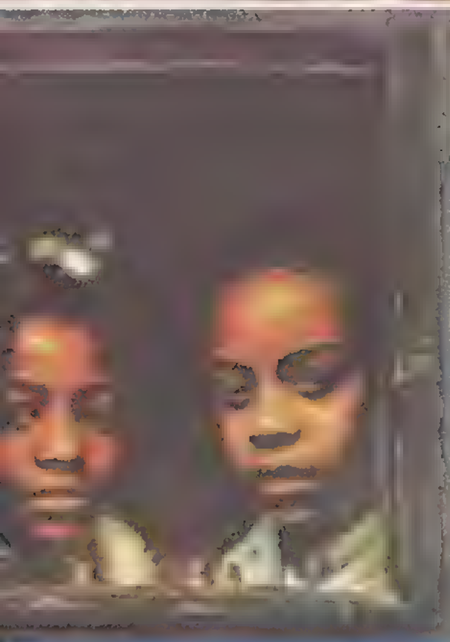
У нее не было передних зубов, и она звала меня Лес-Лес. Она говорила: «Лес-Лес, не колись, а то мама увидит. Колись в моей комнате». Она накрывала меня, когда я спал. Снимала с меня ботинки. У нее не было своего уголка. Она везде бегала и всех спрашивала «Почему?».

Четверг, 5 января 1978 года. Лестеру сегодня 27 лет. Мама подарила ему 10 долларов. Он хочет начать красть. Лестер мой брат. Он наркоман. Нет, Сюдека, никакой

[1] *Боб Марлей — известный ямайканский певец, исполнитель песен в стиле «рэггей». «Ровесник» писал о нем в № 7/77. — Примеч. ред.*

[1] *Лидер освободительного движения американских негров, журналист и политический деятель (1817—1895). — Примеч. ред.*

АЛЕНЬКОЙ ЕССЫ

Янт ТОМАС,
американский писатель

он не наркоман. Просто он дитя войны. Лестер говорит, что это дядя Сэм так о нем позаботился. Я совсем другая. Он верит, что я научусь думать. Мы с Лестером и Джамалом ходим на каток. У мамы грустный вид, потому что Лес-Лес хочет пирог на свой день рождения. У нее нет сахара. Я собираюсь записывать здесь только умные мысли. Сны, например, или мечты. Патриция говорит, что друзья всем делятся. Это она хочет мой свитер. О господи, какая чушь.

Примерно в середине января Джамал купил Сюдеке книгу «Повествование о жизни Фредерика Дугласа». Он говорит, что она прочла ее через пару дней и позвонила ему по телефону. Лестер украл для нее карманный словарь Вебстера, а она купила книгу Лерона Беннета «До прихода «Мейфлауэр»[1].

Вот и вся ее библиотека. Она повесила полку над комодом, положила на нее три книги и сказала брату, что он может брать все, что ему захочется. Она также начала ходить в библиотеку и читать книги по истории. Лестер говорит, что перед ней открылся целый мир и она жаждала все знать.

Понедельник, 9 января 1978 года. Я, наверно, скоро уйду из дому. Тебя я возьму с собой. Вчера вечером мы поссорились с Джамалом. Он говорит: «Оставайся в школе». Он знает, что мама хочет, чтобы я до сентября работала. Она говорит: «Накопи денег и купи себе платье для школы». Это, конечно, хитрость. Я знаю, что она надумала. Задумала. Надо исправлять свои ошибки. Надо стараться писать и думать правильно по-английски. Я знаю, что она задумала. Я буду работать, но денег на платье все равно не останется. Лестер говорит маме, если я брошу школу, я туда уже никогда не вернусь. Это правда. Но Дина, она тоже хочет жить. Она не может смотреть за Банки. Я тоже не могу, не могу. Джамал говорит, у меня впереди целая жизнь, много интересного, много о чем можно мечтать. Э-э, мои мечты не сбываются. Я о них могу только здесь говорить. От мамы пахнет хлоркой. Завтра от меня будет пахнуть хлоркой, а он говорит о каких-то мечтах. Что я могла бы делать? Я могла бы петь или писать стихи и заработать маме денег на жизнь. Сюдека, Сюдека, это я. А пока до свидания. Я люблю тебя, Сюдека. Я люблю себя.

Сюдека. Так ее зовут.
Мальчики зовут ее.
Девочка, почему ты не причешешь волосы?
Девочка, почему ты не работаешь?
Девочка, почему ты такая наивная?
Девочка, Сюдека, девочка, Сюдека.
Я затыкаю уши.

Патриция, пускающая пузыри из жвачки, очень высокая и худенькая. На ней джинсы, пальто цвета хаки и красная с золотым и зеленым шапочка, которую Сюдека ей связала. У нее выпрямленные волосы, подстриженные полукругом, как сейчас модно. «Мы гуляли вместе. Она была моей подругой с третьего класса. Она была очень умная. Умнее итальянских ребят. У нее много грамот и наград. Сюдека была спокойная девочка. Она мало смеялась и не любила шутить. Хотя, конечно, она смеялась. Однажды мы поехали в центр Нью-Йорка. Мы направились в Гарлем, и Сюдека рассказывала мне о нем. О таких вещах у нас обычно не говорят. Она знала все об этом. Сюдека была хорошей подругой, настоящей. Когда мой брат пришел домой и рассказал о случившемся, я сначала не поверила. Я не ходила на похороны, потому что я уже не могла смотреть, как люди плачут. Они все время просили бога молиться за нее. Знаете, что сказала бы Сюдека? Она сказала бы: «Не обращай внимания на эту церковную чушь».

Четверг, 12 января 1978 года. Дина прочла мой дневник и смеялась, она сказала маме, что я сумасшедшая. «Она сошла с ума, мама. Ты бы посмотрела, что она там пишет». Мама говорит: «Отдай ей эту книжку. Не дразни ее». Тогда Дина заявила, что мама ее просто не любит, Дина плачет. Мама взывает к Иисусу. Дина говорит, что заберет Банки к себе. Она называет маму большой толстой обезьяной. Черная негритосина мама. Мама плачет, идет в кухню, чистит бобы и плачет. Если бы я могла что-нибудь сделать. Написать что-нибудь хорошее. Я могла бы стать писательницей и заработать денег для мамы и для Банки и на машину. Сюдека, Линда Гаррисон.

Сюдека обернула голову тряпкой наподобие чалмы, раздобыла форму благотворительной организации и резиновые перчатки. Она боялась, что от воды у нее погрубеют руки и она не сможет писать. В первый же день она вымыла 20 ванных комнат. Вечером того дня она сказала матери, что больше не будет делать эту работу. Мать вспоминает, что при этом она тяжело дышала и была на грани истерики. «Сюдека потом рассказывала, что все было не так уж плохо. Она боялась только, что так будет всегда. Мне нужны были деньги. Что я могла сделать? А теперь Лестер меня упрекает и говорит обидные слова. Он говорит, я плохая мать. Но ведь он не помогал мне. Никто не помогал. Одна Сюдека помогала. Лестер говорит, я ее убила. Господи, спаси меня, если это так!»

Миссис Гаррисон говорит, что единственный, кто бы ее не упрекнул, это Сюдека. Она вспоминает, как Сюдека, когда была маленькая, ходила по дворам и собирала пустые бутылки. Они никогда не получали пособия по бедности. Она говорит, что десяти- и пятицентовики, которые приносила домой Сюдека, всегда оказывались кстати.

[1] *«Мейфлауэр» — корабль, на котором первые поселенцы из Англии прибыли в Америку. — Примеч. ред.*

Вторник, 17 января 1978 года. Только тронь меня еще раз, проклятая негритянка, я тебя так ударю. Я ударю тебя, мама. Проклятье. Я ненавижу ее. Я ударю ее по лицу, если она еще раз меня тронет. Придет день, когда я буду здесь главная, и я буду говорить этим людям, как им жить. Я стукну маму, если она будет кричать на меня. Они всюду суют свой нос, говорят: «Что с тобой, Сюдека, мама не хотела тебе ничего плохого». От них пахнет, они рыгают. Подумай, говорят. Как будто я и так не думаю. Она взяла мои деньги. Она сказала, что взяла мои деньги на еду. Чтобы купить грудинку, знаю я ее. Не буду больше плакать.

Мать Сюдеки рассказывает. «У нее было пять долларов. Я попросила их у нее. Она сказала, что они ей нужны. Но вы же сами видите. Банки делали анализы. Он так плакал, что я обещала ему купить что-нибудь вкусное. Банки любит жареное мясо. Я взяла такси до дома, и у меня не осталось денег. Сюдека думала, что я хочу забрать у нее деньги. А Банки плачет: «Хочу мяса». Да, я ударила ее. Теперь я многое дала бы, чтобы прикоснуться к ее лицу еще раз».

Пятница, 20 января 1978 года. Банки смеется. Он идет в школу. Мне так хотелось бы пойти с ним, как будто мне четыре года и у меня новые ботинки. Он прижал к себе ботинки в магазине, а продавец сказал: «Положи коробку в сумку». Банки заплакал, потому что он хотел идти в новых ботинках домой. Мама говорит: «Положи ботинки в сумку». Банки не понимает. Он плачет. Теперь он уже забыл о них. У него новые ботинки и новая куртка. «Спасибо, Сюдека», — говорит он. Я старалась получить побольше чаевых, чтобы купить Банки ботинки. Банки, если бы я могла поговорить с тобой.

Суббота, 21 января 1978 года. Фредерик Дуглас говорит: «Не живите в смирении и приниженности». Что это значит? Джамал говорит: живите стоя, не садитесь и не становитесь на колени. Ходите с высоко поднятой головою. Пусть в вас растет чувство недовольства. Пусть оно откроет вам глаза. Хозяин белый человек. У белого человека власть. Фредерик Дуглас говорит: «Если вы начнете думать, ваши цепи ослабнут и спадут». Это был человек, с которым я могла бы разговаривать. У него строгое лицо, но он писал в те времена, когда кругом было много рабов. Джамал говорит, как и сегодня. Если должна везде быть доброта, как получилось, что о нас забыли? О человеке нельзя судить по цвету его кожи. Никто не должен сидеть и смотреть на своих голодных детей. Нельзя, чтобы мальчики грабили и избивали своих матерей.

Фредерик Дуглас говорит, что Америка не может всегда сидеть как королева в покое и самодовольстве. Америка сидит как королева, сложив руки на коленях, но придет революция и лишит ее покоя. Я предупреждаю американский народ во имя всего честного и справедливого — опомнитесь!

Фредерик Дуглас и Сюдека Л. Гаррисон.

По субботам Сюдека делала уборку в доме Бет Бергер. «Ее мать сказала мне, что ей 17 лет. Я не понимала, что все это значит. Проглядела, да. Но ведь я не знала. Она была тихая, хорошенькая. Вот и все, что я запомнила».

Понедельник, 23 января 1978 года. У евреев много вкусной еды. Миссис Бергер угостила меня тунцом с булочкой. «Сядь», — сказала она. Еще на тарелочке лежали маслины и корнишоны, а чтобы запивать, мне дали содовую. Мне нравится миссис Бергер. Она хорошая. Она говорит: «Зови меня Бет, ведь мы друзья». Мама говорит: «Нет, ты не голодная, откажись, не делай голодные глаза». Она никак не поймет. Тут нет ничего плохого.

Воскресенье, 29 января 1978 года. Я целый день не встаю с постели. «Ты больна, девочка», — говорит мама. Я чувствую это, когда смотрю в окно. Я еду в Тренчтаун. Я буду копить деньги и поеду на автобусе. Боб Марлей сейчас там. Может быть, он поможет мне и маме. Она, конечно, не поедет. Ей даже не нравится его музыка. Мама, прости меня, но я должна уехать отсюда.

Когда мать пришла утром будить ее, постель была пуста. Все, что можно было узнать у Банки, это что «Сюдека сказала до свидания».

На телевизоре лежали два письма.

«Дорогая мама!

Пожалуйста, не плачь. Я рада, что уезжаю и буду скучать по тебе. Я буду посылать тебе деньги каждый день. Пошли ко мне Банки, когда я устроюсь. Я еду в Тренчтаун, потому что мне там нравится. Пожалуйста, скажи Джамалу, что ты велела мне поехать. И не плачь обо мне. Я взяла у тебя под подушкой десять долларов. Обещаю вернуть, как только получу работу. Я знаю, что ты рассердишься, но я обязательно скоро кем-нибудь стану. Я приеду, когда стану кем-нибудь. Мне придется перейти через много рек, прежде чем я вернусь домой. Хвала Бобу Марлею, Фредерику Дугласу, Джимми Клиффу и тебе.

Твоя дочь, Сюдека (Линда) Гаррисон».

«Дорогой Банки!

Я пришлю маме денег, чтобы она отправила тебя ко мне. Мы будем жить в Тренчтауне. Там так красиво. Может быть, мы будем жить вместе с человеком, который поет «Я застрелил шерифа». Ешь хорошо. Не дергай себя за волосы, я тебе говорила. Я тебе кое-что оставила в верхнем ящике стола.

Постарайся стать личностью. Старайся больше думать. И не плачь, когда упадешь.

Прости меня за то, что я на тебя иногда кричала. Я хотела быть хорошей. Пожалуйста, помни обо мне. Я тебя люблю.

Сюдека».

Никто не знает, где Сюдека провела вторник и среду. В четверг утром она позвонила матери из аэропорта. Мать сказала ей, чтобы она не беспокоилась, все будет хорошо. Дина приехала из Чикаго, и они с Лестером приедут за Сюдекой.

Среда, 1 февраля 1978 года. Этот мальчик сказал: «Девочка, что ты пишешь?» Он посмотрел на мой чемодан. «Ниггер, ничего у тебя не выйдет». Толстая белая женщина посмотрела на меня своими толстыми белыми глазами. Она съела шесть пончиков. До Тренчтауна нужно лететь на самолете, это на Ямайке, на краю света. Билет стоит 170 долларов. Автобусы туда не ходят. У меня 32 доллара. Нужно еще 138. Что мне делать? Вернуться домой? Нет, нет. Уехать куда-нибудь. Куда-нибудь.

Четверг, 2 февраля. Мама приедет через час, я пока пишу. Пусть лучше ничего не говорит мне. И Джамал тоже. Я ничего не хочу слышать. Одна сосиска здесь стоит 1 доллар 50 центов. Яблок не продают. Что же делать? Я могу подождать и скопить денег, как мама говорит. Этот человек моет сотни полов. Моет и моет. Он нагнулся так, что его нос чуть не касается пола. Мне не грустно. Мама едет. Не знаю, о чем еще написать. Просматриваю дневник. Я ничему не научилась. Людям будут непонятны мои стихи. Я могла бы вернуться в школу и учиться писать, но в какую школу? До сентября осталось всего восемь месяцев. Копи деньги. Никаких вечеринок. Никаких пирожков. Никакого кино. Можно лечь и поспать здесь, но эта девушка опять идет со своими значками и книжками о Христе. Я стараюсь не смотреть ей в глаза. Она говорит: «Обратись к богу. Подчинись воле божьей». Она дала мне книгу. Я говорю ей, что верю в аллаха. Она забрала у меня книгу. Надо написать побольше о той негритянке. Она отдала мне половину своего бутерброда. Я хотела назвать ее сестрой, но постеснялась. Она сказала: «Не плачь». Она была мне как мать.

Они ни о чем ее не спрашивали. Она нервничала, дрожала, заикалась. Джамал не мог ее успокоить. Когда он попытался дотронуться до нее, она его оттолкнула. Единственный, с кем она разговаривала, был Банки. Вечером в пятницу они устроили для нее вечеринку. Последнее, что они помнят из сказанного ею, было: «Банки, не играй в снегу. Слишком грязно». Они спросили ее, что она имеет в виду, так как был уже вечер и Банки лег спать. Она так и не ответила.

Пятница, 3 февраля 1978 года. Мама испекла праздничный пирог. Вкусный. Джамал сказал: «Не уезжай больше». — «Куда? — спросила я его. — Куда, Джамал?»

Понедельник, 6 февраля 1978 года. Я могла бы...

Она ставила пластинку «Напрасное ожидание» до тех пор, пока мать не пригрозила разбить ее. Сюдека сидела на кровати и молчала. Иногда она вставала ногами на постель и раскачивалась, в глазах не было никакого выражения.

В четверг вечером она дала Банки письмо, адресованное мистеру Бобу Марлею, Айлэнд Рекордс Инк., 7720 Сансет Бульвар, Лос-Анджелес, Калифорния. Банки отдал письмо бабушке.

«Уважаемый мистер Боб Марлей!

Вы меня не знаете, но у меня есть все ваши пластинки. Моя любимая «Исход» с «Напрасным ожиданием».

Меня зовут Сюдека Гаррисон. Меня звали Линда, но я изменила имя на негритянское.

Я пишу вам потому, что хотела приехать в Тренчтаун и поговорить с вами. Я ехала, чтобы увидеть вас, но у меня не хватило денег на самолет. А автобусы к вам не ходят.

Банки нужна операция, и я работаю в гостинице, чтобы заработать денег. Я получаю двенадцать долларов в неделю. Банки тоже любит вашу музыку. Он поедет в Тренчтаун со мной. Джамал мой друг. Он говорит, что вы знаете все про революцию. Это правда? Я хотела бы жить в вашем городе. Если вы меня возьмете, я потом отдам вам деньги.

Ваш друг

Сюдека Линда Гаррисон.

Мне 15 лет, и я скоро буду поэтом».

Четверг, 9 февраля 1978 года.

не дергайте меня как куклу за веревочку
не говорите со мной словно я немая
я хочу знать откуда вы пришли
я не хочу напрасно ждать вашей любви
я все еще жду ее.

Перевела с английского М. КРИГЕР

„ТАК, ЧТО БОГУ САМОМУ ДОЛЖНО БЫТЬ СТЫДНО"

Курт ВОННЕГУТ,
американский писатель

Будь я пришельцем с другой планеты, вот что, пожалуй, я бы сказал о тех, с кем мне пришлось бы встретиться в Соединенных Штатах.

«Это довольно безжалостные существа, хотя и воображают, будто у них мягкий характер. Еще недавно они проводили эксперименты с рабством и геноцидом». Именно геноцидом назвал бы я грабеж и уничтожение американских индейцев.

И еще я бы сказал: две реально существующие в Америке политические партии — это Победители и Побежденные. Люди этого не признают, воображая, что состоят в республиканской или демократической партии. Однако хозяева у этих мифических партий одни — Победители, и, когда республиканцы и демократы сражаются между собой, ясно только одно — победят Победители. В прошлом демократическая партия брала верх по той причине, что ее лидеры в отличие от республиканцев не относились с таким открытым презрением к Побежденным, которые, правда, имеют возможность вступать в любую из двух мифических партий и могут голосовать.

В собственное утешение Побежденные изобрели тысячи религий; суть многих из них я определил бы словами «сердце кровью обливается». Единственная же религия Победителей — это вульгаризованная форма дарвинизма, которая утверждает, что по закону мироздания выживает сильнейший.

Самых ревностных «дарвинистов» собирает под свои знамена республиканская партия, время от времени она даже устраивает чистки, избавляясь от всех подозреваемых в принадлежности к виду «сердце кровью обливается». Для Победителей это вовсе не безумие или глупость, как считают некоторые, это один из способов научиться быть безжалостными. Они считают, что материальные ресурсы планеты почти полностью исчерпаны, так что жалость вскоре станет некой формой самоубийства.

Победители репетируют Конец света.

Есть остроумный Победитель, миллионер, который регулярно выступает в газетах и по телевидению. Он забавно препирается с людьми, которые считают, что Победители должны помогать Побежденным куда больше, чем они это делают. При этом с его лица не сходит почти постоянная снисходительная ухмылка.

Я бы так истолковал ее смысл: «О да,

дорогой, конечно же, я понял то, что ты так неуклюже высказал. Но ведь в глубине души ты и сам знаешь то, что знают все Победители: к Побежденным, если хочешь выжить, надо относиться без всякой жалости».

Я гарантирую, что именно эта непоколебимая вера объединяла и тех, кто собрался в 1972 году в Майами-Бич, во Флориде, на съезд республиканской партии.

Все остальное было развесистой клюквой.

Слушайте: я отправился на неофициальный ленч в честь Победителей в Майами-Бич, в то время как рядом происходил съезд республиканцев. Кого там только не было! А республиканец ты или демократ — о такой чепухе никто и не спрашивал.

Я поинтересовался у одного знакомого демократа, что он делает на республиканском съезде. В ответ он сообщил, что ему предложили неприличную сумму денег за милую потасовку с остроумным миллионером в утренней телепередаче Эн-би-си.

Известный фельетонист, в свою очередь, сказал, что приехал на съезд, чтобы повидать своих приятелей, в основном журналистов. Он поведал о колонке, которую только что написал. Комическое заключалось в том, что республиканцы за время избирательной кампании собрали такое количество пожертвований, что в результате в партийной кассе оказалось два совершенно лишних миллиарда долларов. И никто не знал, куда их девать. Тогда-то и было решено подарить что-нибудь этакое славному американскому народу. Остановились вот на каком подарке: бесплатная недельная бомбардировка Вьетнама.

Я спросил кое-кого из присутствовавших, что они думают о попытках некоторых молодых людей вызвать сострадание к народу Вьетнама. Переодевшись во вьетнамцев, эти молодые люди несли куклы, разрисованные так, словно они были изранены или сожжены заживо.

В ответ мне было сказано, что было бы лучше, если бы те же молодые люди взяли автомобиль и наполнили его какой-нибудь жидкостью, напоминающей кровь. Ибо автомобили и есть самые ужасные убийцы нашего времени. Молодые люди должны протестовать против них.

Что же касается самой предвыборной гонки, все были уверены в ее исходе. Насколько я смог понять, хотя вслух об этом никто и не говорил, кандидат демократов был объектом весьма удачного розыгрыша. Его, Победителя, другие Победители подзадоривали на то, чтобы он изобразил себя Побежденным. Пусть, дескать, поиграет в популярность, пусть идет себе в народ. Ведь Побежденные смерть как не любят голосовать за Побежденных. Они знают, чего стоят Побежденные...

На съезде я хотел выяснить, кроме всего прочего, степень личного сочувствия республиканцев тем американцам, которые страдают от нехватки жилья, недоедания и т. д.

Научный анализ показывает, что делегаты проявляют удовлетворительную степень сочувствия, будучи в обычном человеческом состоянии — например, в полном одиночестве или на пляже, иными словами, в тех случаях, когда высшие политические соображения не заставляют их метать громы и молнии на съездах и митингах и когда им не угрожают враждебные массы. В общем все они достаточно симпатичны, но беда в том, что в дело вступает павловский условный рефлекс (собственно говоря, он действует уже много лет): желания враждебных масс, как назло, все время гуманны, да и массы-то в большинстве случаев не враждебны. Однако куда бы эти массы ни направились, за ними тут же пристраиваются армии полицейских — так, на всякий случай, чтобы защищать от них прочих симпатичных людей. Что же, кроме павловского рефлекса, виновато, что у самых симпатичных людей появляется шанс кое-что предпринять.

Они могут игнорировать гуманистов. Именно это и сделали симпатичные люди, когда 22 августа 1972 года перед отелем «Фонтенбло» произошел один из самых достойных военных парадов за всю американскую историю. Правда, эта дата не войдет в историю, ибо симпатичные люди не хотят видеть ее там.

Несколько сот американских стрелков-убийц, вернувшихся с вьетнамской войны, маршировали повзводно, соблюдая положенный интервал. На многих были странного вида лохмотья, приличествующие привидениям или войне в джунглях. Они шли молча, ссутулив плечи, как подобает усталым, голодным ветеранам на марше. Некоторые были в креслах-каталках. Многие были ранены. Джон Уэйн [1], всем стрелкам стрелок, был где-то в Майами-Бич. Но его не было видно, когда эти настоящие стрелки пришли в город.

Они молча опустились на землю — и это было преступлением. Они преградили путь прогуливавшимся пешеходам и транспорту. Некоторые вздыхали. Некоторые чесались.

Они хотели сказать: «Пусть прекратится убийство».

И они разошлись по домам.

Сколько же симпатичных людей вышло из отеля или подошло к его окнам, чтобы посмотреть на них? Ни одного или почти ни одного. Это дело полиции.

Что же касается бессмысленной работы, которую должны были исполнить рядовые делегаты, то она оказалась несложна: выслушивать речи, разукрашенные конфетти полуправды, выслушивать проповеди именитых богословов, собирать автографы и избегать враждебных масс.

Что до проповедей, то мне довелось увидеть, как молились в воскресенье накануне съезда самые именитые республиканцы и богословы. И это еще одна дата, которую я хотел бы увидеть в американских учебниках истории: 20 августа 1972 года. Сейчас я объясню, почему ее следует туда занести.

Я внимательно слушал все проповеди и молитвы. Я хотел уяснить, из чего сотворен республиканский бог. И я вынес следующее впечатление: ростом он с гору Вашингтон, неповоротлив и добродушен.

Проповедь меня несколько удивила: по всему выходило, что высшая власть, отправляемая американскими политиками, получена ими прямехонько от бога.

— Нас обычно учат, — сказал я проповеднику после службы, — что высшая власть дается президенту народом. Учитывая, что вы богослов, не могли бы вы сказать...

— Я сказал, — последовал ответ, — что высшая власть — в руках всевышнего, а не наших и что все наши деяния подвластны суду божьему.

— Итак, если все это изобразить на схеме, — сказал я, — то получится, что президент получает высшую власть от народа, а народ получает ее от бога. Так?

— Нет, — сказал он. — Я бы это изобразил по-другому: лишь бог один обладает высшей властью.

— Стало быть, президент одновременно ответствен перед людьми и богом?

— В большей степени, конечно, перед богом, чем перед людьми, — ответили мне.

Я так подробно пересказываю наш разговор, ибо считаю, что он прекрасно подтверждает мое умозаключение. А именно: 20 августа 1972 года национальный республиканский съезд открылся проповедью о божественном происхождении прав президентов.

На своем съезде республиканцы, конечно, и не думали беспокоиться — ведь победа была у них в кармане. Вражеский кандидат весь отдался борьбе за народную любовь, в то время как их собственный кандидат был весь погружен в дела божественные. Так что никаких дел, кроме разве устройства банкетов и приемов для сбора автографов, собственно, и не оставалось...

И вот на третий день съезда я выхожу из лифта на третьем этаже отеля «Фонтенбло». Теперь я и сам даю автографы (я даже дал автограф одному из участников беспорядков). Кроме того, я продолжаю пополнять свою и без того недурственную коллекцию молитв, проповедей и заклинаний.

Я подошел к одной из девиц, которые прилетели в Майами за свой счет в поисках женихов.

— Я из журнала «Харперс мэгэзин», — сказал я, — и хотел бы спросить вас, считаете ли вы возможным, чтобы президентом США стал атеист?

— Не представляю себе, каким образом, — сказала она.

— А почему бы и нет? — спросил я.

— Не знаю... — сказала она, — ведь вся наша страна держится на боге.

Это была белая девушка. Я с трудом оторвал от нее глаза и... что же я увидел? Я увидел десять американских индейцев, которые сидели в вестибюле в чересчур мягких креслах, полностью предоставленные самим себе. Девятеро из них были крупные мужчины, один — мальчик. Похоже было, эти индейцы превратились в красное дерево: они не разговаривали, они не вертели головами по сторонам, чтобы разглядеть, кто есть кто в вестибюле «Фонтенбло».

Перед ними стоял кофейный столик. На нем — оттиски послания, которое они привезли бог знает из какой дали, где жили их племена.

Как я выяснил позже, в послании, в частности, говорилось: «Мы живем сегодня так, что самому богу должно быть стыдно. Ибо страна, дозволяющая, чтобы целый народ существовал в условиях, противных ее идеалам, в условиях каждодневной несправедливости и бесчеловечности, такая страна наверняка должна быть переполнена ненавистью, скаредностью и безразличием».

К индейцам я подошел не сразу. Сначала я увидел одного из юродствующих

---

[1] *Американский артист, игравший в фильмах, прославляющих американскую армию. — Примеч. ред.*

«революционеров». В этот день его по крайней мере раз десять задерживали агенты службы безопасности. Это странно, поскольку теперь он был уже сильно потрепанным клоуном, да и его пресс-карточка была в порядке. Он собирал материалы для книги.

Мне показалось, что ему теперь вообще не до шутовства. Собственно говоря, многим из забавных по натуре людей — из тех, кто хочет помочь Побежденным, — больше уже не до шуток. Они вдруг осознали, что клоунадой не остановишь и не замедлишь ход жестокой социальной машины. Скорее наоборот — это только смазывает ее.

Мне то и дело говорят, что это, мол, потрясающий исторический факт, но шуты часто оказывались настоящими революционерами. Это неправда. Жестокие социальные машины прошлого настолько нуждались в шутах, как в смазочном материале, что часто они их сами и создавали. Вспомните испанскую инквизицию.

Когда инквизиция решала сжечь кого-нибудь на костре, человека обривали наголо. Его мучили до тех пор, пока не доводили до стадии полного идиотизма, надевали на него конусообразный колпак и безобразно яркий бумажный плащ. В довершение всего лицо жертвы разрисовывали или закрывали маской.

Алле, алле! А вот и шут!

Идея, конечно, заключалась в том, чтобы сделать жертву смешной, а не трагической. Жалость — это словно ржавчина для жестокой социальной машины.

Я не говорю, что Победители Америки хотят публично сжечь Побежденных Америки, хотя, с другой стороны, произойди это — что в том необычного! Я говорю, что Победители страстно игнорируют Побежденных — а что это, если не жестокость! Но ведь игнорировать много легче, если жертвы или люди, которые их вроде бы представляют, похожи на шутов...

Так вот эти индейцы в вестибюле «Фонтенбло» почти не шевелились, и говорили они очень мало, а все потому, что их соотечественники погибали оттого, что их игнорируют, а они чересчур хорошо знали — стоит им чихнуть, как кто-нибудь тут же скажет про них: а вот краснокожие шуты.

В общем, теперь им угрожала опасность, что их сочтут за шутов, увидев их застывшее в полной неподвижности достоинство.

Поражение, которое эти индейцы потерпели, став жертвами алчных и несправедливых войн, было ужасным: им предложили выбор между смертью или безоговорочной капитуляцией — смерть или жизнь в кошмарных условиях. Так вот те, кто выбрал жизнь, — ту самую, что некоторые считают святым делом, — сейчас запросили пощады. Средняя продолжительность их жизни 44 года. Их младенцы умирают с убийственным постоянством. Их права на пользование водой у них похищены. Некоторые их люди задыхаются от туберкулеза, наркотиков или алкоголя. Их школы, подчиняющиеся правительству, знать не хотят об их религиозных и жизненных догмах, как, впрочем, не хотят этого знать и законы белого человека.

Дольше всего мне довелось беседовать с индейцем Роном Петитом из племени чиппева. Он рассказал, что поначалу индейцы, приехавшие со всей страны, остановились в парке «Фламинго» в Майами-Бич, где Побежденные и друзья Побежденных сумели построить палаточный город. Но они тут же — в страхе и панике перед шутовством — покинули его.

Рон Петит, не меняя каменного выражения лица, рассказал смешную индейскую историю. Вместе с товарищами он явился в «Фонтенбло», чтобы передать свое послание, однако никто из ответственных лиц не захотел взять у них это послание. Индейцев просто не замечали.

А на съезде в тот вечер говорилось: «Мы не хотим ничьей территории. Мы не ищем господства ни над каким другим народом. Мы ищем мира не только для себя, но для всех народов Земли».

В качестве визитера с другой планеты мне пришлось бы заметить в этой связи, что слова эти лишь намек на правду. При этом я думаю о всех тех Победителях, которых увидел на частном приеме для Победителей, о том, как они представляют себе счастливую жизнь, и о том, как хорошо они заботятся о своих финансовых делах...

Конечно, мы не хотим ничьей территории. Но если ее можно купить или арендовать — кто откажется от такой выгодной сделки!..

Ежели б я был визитером с другой планеты и передавал радиограмму о Земле, я бы не назвал американцев Американцами. Я бы дал им имя, которое сразу многое поведало бы о них: я бы назвал их Купцами.

Я назвал бы республиканцев Купцами высшей гильдии, а демократов Купцами низшей гильдии. И больше всего меня поразило, что на молебне в воскресенье, отслуженном по заказу Купцов высшей гильдии, присутствовал космонавт полковник Фрэнк Борман. Он выглядел таким же усталым от космической оперы, как описанный мною «революционер» от клоунады. Он выполнил свою роль, которая заключалась в том, чтобы прочитать отрывок из Книги Бытия о Сотворении мира.

И ни разу не было на съезде Купцов высшей гильдии моментов энтузиазма в стиле Кеннеди, вызванного славными возможностями, открывающимися перед американцами в космосе.

И так как на съезде было много республиканцев, которые были настолько тупы, что поверили, будто лидер демократов и впрямь был за наркотики, амнистию и аборт, я могу свободно предположить, что они были так же тупы, как в тот момент, когда надеялись, что на Луне можно задарма получить неплохую недвижимость.

Они послали туда нескольких хороших республиканцев, чтобы присмотреться, погасить несколько марок, помолиться и погонять немного в гольф. Теперь-то они все знали. Даже Побежденные, при всей их неторопливой находчивости, не смогли бы выжить на Луне.

Так что настало время снова крепко призадуматься относительно использования наилучшим образом земной поверхности.

Схема Победителей, неометтернихская[1] схема прочного мира, — проста. Мы продемонстрировали жизнеспособность этой аксиомы во Вьетнаме, в Бангладеш, в Биафре, в лагерях палестинских беженцев, в наших собственных гетто, в наших лагерях для сезонных рабочих, в наших индейских резервациях, в наших учреждениях для дефективных, уродов и престарелых.

Вот она, эта аксиома: плевать на боль.

Я без всякой иронии и по справедливости мог бы назвать американцев Исцелителями вместо Купцов. Я говорил на съезде с одним из типичнейших американцев, и он категорически высказался за исцеление.

Он сказал, что недавно был в Южной Корее, где он много лет назад лечил детей, пострадавших от войны. Сейчас это были здоровые, счастливые мужчины и женщины. И он ездил во Вьетнам, чтобы помочь детям в залечивании более свежих ран.

А ходячие раненые в пределах наших собственных границ — это наши презренные бедняки, которых при всей игре воображения нельзя считать жертвами войны. Мы их сами искалечили. Деньги жестоки. Мы можем позволить себе лишь слегка подлечивать их. Но даже это малое — все равно что нож в сердце Победителям, что сейчас, что в будущем.

Мой близкий друг, торговец обувью в Хайаннисе на мысе Код, имел обыкновение читать по воскресеньям «Нью-Йорк таймс». После этого он приходил ко мне и на основе прочитанного сообщал, что дела медленно, но верно улучшаются. Помню, мы как-то заговорили о знакомых нам кошмарных водителях автомобилей. В свое время — это когда на всех машинах радиаторы были со всякими украшениями — он знал одну женщину, которая, сидя за рулем, глаз не сводила с фигурки на радиаторе своего автомобиля.

Так вот, мне кажется, что читать новости сегодняшнего дня, или многих дней, или многих лет — это все равно что не сводить глаз с украшения на радиаторе старинного автомобиля. И именно поэтому многие из нас обрадовались бы, прилети к нам кто-нибудь с другой планеты, — ведь у него, наверное, был бы более широкий взгляд на наши ежедневные дела, и он, возможно, смог бы подсказать нам, как понимать происходящее вокруг нас.

Я думаю, он сказал бы нам, что ни один настоящий Победитель не боится бога и не верит в загробную расплату за грехи. Он, наверное, сказал бы нам, что земляне оттого так настаивают на правдивости своих слов, что хотят, чтобы им верили, когда они лгут. Эта игра называется «Выживание». Все остальное — развесистая клюква.

Наверное, он поздравил бы нас с тем, что мы научились так искусно ухаживать за нашей планетой, но он и предупредил бы нас, чтобы мы были поосторожней и не терзали бы так жестоко нашу бедную планету, каждый раз приступая к земельной тяжбе. От таких ран, которые мы ей наносим, планета может и не оправиться. Вместо прощания пришелец мог бы сказать то, что, очевидно, хотел сказать Чарлз Дарвин, и эти слова мы могли бы высечь — сплошь заглавными буквами — на камне: «Победители воюют с Побежденными, и конца этому не видать».

Сокращенный перевод с английского
Михаила БРУКА

[1] *К. Меттерних — в 1809—1821 годах министр иностранных дел Австрии, один из организаторов «Священного союза», направленного против революционного и национально-освободительного движения. — Примеч. ред.*

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ПОХОД

Территории, которые занимали индейцы в 1492 году.

Борис СЕНЬКИН

Все имена, факты, события, упоминаемые ниже, совпадают с действительными.

Оговорка эта, казалось бы, излишняя, сделана здесь по следующей простой причине. Она обязывает автора немедля сообщить читателю источники его информации, а это в данном случае приятная обязанность. Информация получена от очевидцев и участников описываемых событий — индейских юношей и девушек из Северной Америки, приезжавших в Гавану на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Они, по существу, соавторы этого материала, поэтому позвольте сразу представить их: Роберт Накаидинае, Марси Джильберт, Антонио Салинас, Оскар Родригес, Дебби Кокс, Каролина Миллз, Эми Готье, Келли Кук (все из США), Ворми Карлсон и Сэнди Деларонде (из Канады).

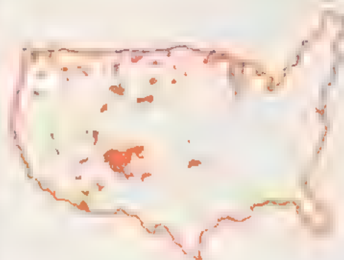
остров индейской свободы

Они стояли в высокой, нетоптаной траве и молчали. Они думали об одном и том же, и им не мешали ни гомон чаек, носившихся над тусклым зимним морем, ни грохот волн, ударявшихся о скалы. Потом вперед выступил плотный старик в кожаной парке и накидке, расшитой бисером. Седину его волос, заплетенных в тугую косичку, украшало орлиное перо. Старик выступил вперед и заговорил о том, о чем думали все.

— Братья и сестры, — сказал вождь Орлиное Перо, и его голос перекрыл крики чаек и шум моря. — Нам предстоит долгая и нелегкая дорога. Мы начинаем Самый

Земли, которые остались им к 1978 году.

длинный поход. Мы пойдем через всю страну, от океана до океана. Вспомним, братья и сестры, сколько длинных походов совершили наши предки. Они отступали вслед за солнцем. Не по своей воле, но гонимые штыком и пулей. Мы же пойдем навстречу солнцу. Мы пришли сюда, на Алькатраз, чтобы укрепить дух и почерпнуть силы в воспоминаниях о тех днях, когда мы объявили этот остров свободной индейской территорией, первым островом нашей свободы.

Они слушали шестидесятичетырехлетнего вождя из южнодакотской резервации Роузбад и вспоминали.

...Однажды ночью в ноябре 1969 года к угрюмому острову, ничуть не украшающему приморскую панораму Сан-Франциско, причалили индейские пиро́ги. Десятка два людей высадились на берег и первым делом сорвали щит с надписью: «Вход воспрещен. Собственность государства». На оборотной стороне они вывели красной краской: «Осторожно. Вход воспрещен. Индейская собственность». Откуда-то взялся сторож и начал было возражать. Но руководитель операции двадцатипятилетний студент сан-францисского «Стейт колледжа» Ричард Окс сказал ему так:

— Имеем право. Договор, заключенный в 1868 году между твоим правительством и моим народом, разрешает индейцам занимать пустующие федеральные земли.

А остров действительно пустовал. После того как в 1963 году была прикрыта тюрьма, снискавшая Алькатразу сомнительную славу, федеральные власти так и не смогли придумать, что с ним делать.

И вот над тюремными воротами Алькатраза появился плакат «Эта земля — наша земля!» и взвился четырехцветный желто-красно-черно-белый флаг индейцев...

Они слушали вождя Орлиное Перо и вспоминали алькатразскую эпопею. Как сначала власти приняли высадку индейского десанта, состоявшего в основном из молодых людей, за экстравагантную шутку. Как вскоре совсем не на шутку встревожились, поняв, что индейцы не собираются покидать остров. Как была устроена настоящая вооруженная блокада безоружных «добровольных узников» Алькатраза. Как могущественное правительство могущественной страны брало измором горстку индейцев. Как сюда совершали паломничество десятки тысяч людей, привозивших хоть ненадолго своих детей на единственную в США свободную землю индейцев. Как «неизвестные» зверски убили Ричарда Окса и его дочь, маленькую Ивонну. Как Алькатраз ге-

роически держался больше года, став символом борьбы индейцев за свободу и человеческое достоинство.

Надо думать, алькатразская история не выветрилась из памяти и властей предержащих. Сообщения в прессе об индейском церемониале на Алькатразе были скупы и сухи — на сей раз никто не усомнился в серьезности намерений индейцев. Вероятно, поэтому газета «Сан-Франциско кроникл» постаралась «забить» неприятную новость («Опять индейцы на Алькатразе») новостями приятными. В тот день, когда на острове состоялся церемониал, 11 февраля 1978 года, «Кроникл» вышла с сенсацией: «ФБР раскрывает подробности последнего побега с Алькатраза в 1962 году» (долго же редакторы держали в рукаве эту «конфетку»). А 13 февраля — полоса о планах превращения Алькатраза в место отдыха.

Мощное, многоканальное американское телевидение уделяло Самому длинному походу считанные секунды — да и то лишь изредка и лишь в местных программах. Зато, как всегда, не было недостатка в лихих вестернах, герои которых, пожевывая окурок, укладывают одной пулей по десять-пятнадцать краснокожих.

Листая «Сан-Франциско кроникл» в поисках сообщения о начале Самого длинного похода, я то и дело натыкался на рекламу нового 20-часового суперсериала «Как был завоеван Запад»: «Сага о мужественной семье Макаэн продолжается!» Герой картины преподнесен в восторженной рецензии так: «Вольный дух, со своим собственным кодексом справедливости о двух кулаках». Но вот кое-что неожиданное: зрителей заверяют, что они увидят индейцев «не такими, какими их показывали раньше, а гораздо более человечными». Уж не присутствуем ли мы при зарождении голливудской моды — на «хорошего» экранного индейца?..

А почему бы и нет? Вспомним тот же Алькатраз, когда власти, не прекращая блокады острова, одновременно попытались осуществить так называемую операцию «Парк». Индейцам предлагалось взять остров в аренду на пять лет за символическую плату в один доллар с автоматическим продлением аренды. Да еще платили бы им по сто тысяч долларов в год «за содержание и обслуживание маяка». А на территории острова был бы устроен «Индейский национальный парк-музей». Осажденные на Алькатразе сразу распознали и отвергли замысел хитрецов из министерства внутренних дел — свести на нет, скупить на корню самую акцию протеста.

Просматривая периодику, я обнаружил, что статистика, касающаяся жизни индейцев США, практически не изменилась за все эти годы. Та же продолжительность (надо бы сказать: краткость) жизни индейца — 44 года (белого американца — 71 год). По-прежнему один из трех индейских младенцев умирает, не дотянув до полугода. Средний доход индейца как был, так и остается ниже половины прожиточного минимума. Кое-какие перемены все же произошли. Безработных среди индейцев в 1970 году было 40 процентов, в 1978-м — от 70 до 90. Словно шагреневая кожа, сжимается территория, числящаяся за индейцами. Государство и частные компании скупают участки в резервациях через «опекунскую организацию» — Бюро по делам индейцев, находящееся в ведении федерального министерства внутренних дел.

Появилась и прочно держится новая — весьма зловещая — статья индейской статистики: за последние пять лет стерилизовано не менее 30 процентов индейских женщин. До 1970 года индейцев даже не выделяли в бюллетенях переписи населения как самостоятельную этническую группу. Полагали — «на глазок», — что их примерно 450 тысяч в трехстах резервациях и еще тысяч двести в городах. Теперь подсчитали точнее, и оказалось — миллион. Много ли это по сравнению с доколумбовым временем? Тогда, по оценке ученых, на нынешней территории США жило... 12 миллионов коренных американцев! Воистину геноцид в отношении к индейцам — одна из самых ужасных страниц истории США.

...С Алькатраза они направились на митинг в столицу Калифорнии — Сакраменто. На площади перед университетом толпа быстро густела. Подходила молодежь. Послушать одного из известных руководителей Движения американских индейцев, Денниса Бэнкса, собрались не только индейцы. Негры, белые, чиканос.

Митинг в Сакраменто стал первым из сотен «тич-инов»[1] Самого длинного похода. Поговорить с большим числом людей, рассказать им о том, что делается в резервациях, о несправедливостях, творимых властями в отношении коренных жителей Североамериканского континента, — ради этого и двинулись индейцы пешком зимой через всю страну.

Стоянок было много. И кратких, и многодневных, и в резервациях, и на городских площадях. Но из всех выделялась одна — в Марионе, штат Иллинойс.

узник «нового Алькатраза»

Какой провинциальный город не мечтает об известности? Пришла наконец слава и в Марион в штате Иллинойс. Речь идет об одной новинке, которой обзавелась в 1972 году марионская тюрьма. Расхожая аксиома, рожденная «американским образом жизни», гласит: «There is no such a thing as bad publicity» («Плохой известности не бывает»). Иными словами, и в дурной славе нет ничего дурного, потому что на ней можно делать деньги. Но марионцы дружно воспротивились обрушившейся на их город славе. У стен тюрьмы не прекращаются демонстрации протеста.

Уже три года, как федеральный апелляционный суд США под давлением многочисленных протестов был вынужден обязать тюремную администрацию ликвидировать так называемое «отделение долгосрочного надзора», оборудованное особыми звуконепроницаемыми камерами. Но, должно быть, судейская грамота запропастилась где-то в пути от Вашингтона до Мариона, ибо пресловутое «отделение надзора» и не думает закрываться, а в его спецкамеры продолжают поступать заключенные из всех штатов и даже из Пуэрто-Рико и с Виргинских островов (отсюда и финансовая выгода федерального управления тюрем: штаты перечисляют ему деньги за пользование «особыми услугами» марионской тюрьмы).

Новые камеры были впервые опробованы шесть лет назад, когда в них заточили сто два узника, отказавшихся выйти на работу. Их отказ был отчаянной попыткой привлечь внимание центральных властей к невыносимым условиям, в которых содержат заключенных. Официальное название усовершенствованных темниц звучит весьма наукообразно — «камеры сенсорной депривации», но они больше известны как «боксскары». В этих боксах, не просторнее собачьей конуры, наглухо закрытых толстенной стальной дверью, не пропускающей снаружи ни единого звука, людей содержат неопределенно долго, месяцы и годы. В семидесяти двух спецблоках марионской тюрьмы содержат особо непокорных заключенных, чтобы сломить, раздавить волю строптивцев. А для иных ученых мужей это удобная лаборатория. Один из ее создателей, некий психиатр д-р Джеймс Макконнел, восторгался: «Полагаю, что настал день, когда мы можем соединять сенсорную депривацию с медикаментами, гипнозом и чередованием поощрения и наказания, для того чтобы добиться почти абсолютного контроля над поведением индивидуума». (Уместно уточнить, что значение английского слова control, употребленного д-ром Макконнелом, — управление, руководство, подчинение своему влиянию, регулирование.)

Авторитетная индейская организация Международный совет по индейским договорам, получившая недавно статус неправительственной организации при ООН, представила в 1978 году Комиссии ООН по правам человека данные о том, что происходит в марионской тюрьме, где содержится много политических заключенных — в основном негров, индейцев, пуэрториканцев и чиканос. «Тюремные власти в Соединенных Штатах, — говорится в докладе, — практикуют воздействие на психику заключенных, «промывание мозгов», применение опасных и вредных медикаментов и медико-психиатрическое экспериментирование... В марионской тюрьме заключенные подвергаются химиотерапии ежедневно по четыре раза. Иногда медикаменты таинственным образом оказываются в пище. В результате, например, в декабре 1974 — январе 1975 года среди заключенных произошло пять случаев немотивированных вспышек насилия, а восемь заключенных в спецблоках страдали галлюцинациями... Под воздействием медикаментов, применяемых в марионской тюрьме, у человека возникает желание покончить с собой. Это уже привело к случаям самоубийства заключенных».

Как раз в те дни, когда начинался Самый длинный поход, в американской печати появилось такое сообщение из Мариона: в марионской тюрьме, прозванной «новым Алькатразом», повесился еще один узник «отделения долгосрочного надзора», пятый за последние месяцы; самоубийства среди заключенных в спецбоксах этой тюрьмы происходят в пять раз чаще, чем в обычных тюрьмах США.

— Караван Самого длинного похода остановился в Марионе на пустыре напротив тюремных ворот, — рассказывал мне Оскар Родригес. — Двое суток мы били в барабаны, пели боевые песни, совершали ритуальные обряды, чтобы поддержать дух Леонарда Пелтьера, одного из наших лидеров, заключенного в этой тюрьме.

Как ни громко умеют индейцы бить в барабаны (а в этом я смог убедиться в Гаване), уверенности, что Пелтьер за толстыми стенами тюрьмы услышит их, конечно, не было. Поэтому руководители похода потребовали от тюремной администрации дать им свидание с заточенным братом. И начальство не посмело отказать.

Леонард Пелтьер приговорен к... двум пожизненным срокам. Притом — «последовательно»!

— То есть, отбыв один срок — умерев, он обязан начать отбывать новый, — усмехнулся Оскар. — Как будто у него две жизни.

Дело на Пелтьера было заведено одновременно с делом на Анну Мэй Аквеш (загадочное убийство этой активистки Движения американских индейцев описано в июльском номере «Ровесника» за этот год). Его обвинили в причастности к гибели в перестрелке двух агентов ФБР.

[1] *«Тич-ин» — это своеобразный урок, семинар. — Примеч. ред.*

В полдень 26 июня 1975 года в лагерь индейцев Скачущий Бык недалеко от деревни Оглала, резервация Пайн Ридж, прибыли Джек Коулер и Рональд Уильямс, агенты ФБР. Что именно произошло, почему началась стрельба, неизвестно. Оба агента погибли. Полицейский Джеральд Хилл убил молодого индейца Джозефа Беделла Стантца (сразу скажем, что никакого «дела» на Хилла заведено не было). В последующие дни по всей резервации носились, нагоняя страх на людей, специальные отряды ФБР — врывались в дома, переворачивали все вверх дном.

Зачем это было нужно, какой прок следствию от этого террора? В листовке «Комитета в защиту Леонарда Пелтьера» есть такой ответ на этот вопрос.

«В тот самый день (26 июня. — *Б. С.*) правительству США было незаконно продано 130 тысяч акров земли резервации. Эта сделка не была одобрена ни советом племени, ни нашим народом. Нельзя считать случайным совпадением, что перестрелка произошла именно в тот день. Последующая военная оккупация предотвратила любое возможное выступление народа оглала-сиу против продажи его земли... Жители резервации убеждены, что инцидент (перестрелка в лагере. — *Б. С.*) был спровоцирован, чтобы бросить в ход войска и полицию и разгромить Движение американских индейцев. «Я бы нисколько не удивился, если бы они ради этого прихлопнули даже своего», — сказал один из жителей резервации».

Как выяснилось на суде, когда Коулер и Уильямс подъезжали к лагерю, окрестные дороги уже были «оседланы» отрядами полиции и армии. Зачем? К каким таким маневрам они изготовились, если не к нападению на палаточный городок Движения американских индейцев? Судья отводил подобные доводы защиты как «не имеющие отношения к делу».

Многие американцы воспитаны в убеждении, что система присяжных заседателей обеспечивает американскому суду истинную демократичность. Но при этом они то ли не знают, то ли забывают об одном исключении из правила, а именно о том, что судья может по своему усмотрению заслушивать отдельные показания в отсутствии присяжных. На процессе по «делу» Пелтьера судья Пол Бенсон широко пользовался этим правом.

Он счел, например, что присяжным незачем знать, как агент ФБР Гэри Адамс «диктовал» нужные показания 16-летнему индейцу Уилфорду Дрейперу. (Руки за спину. Наручники. Вращающееся кресло. Привязывают к креслу, и начинается «карусель». «Будешь говорить?» Тут же сидит плачет мать. «Сынок, признайся». И так четыре часа.) На суде Уилфорд сказал, что он совсем запутался, не помнит уже, что действительно видел, а что ему «подсказали» следователи.

Судья пощадил уши присяжных и тогда, когда молодая индейская женщина Миртл Пуэр Беар рассказывала, как ее запугивали в ФБР, добиваясь, чтобы она заявила на суде, что видела Пелтьера стреляющим в агентов ФБР. («Иначе кончишь, как Анна Мэй». То есть пуля в затылок.) Миртл тогда сдалась, написала то, что от нее требовали... После ее рассказа обвинение лишилось единственного свидетеля, который якобы видел, что Пелтьер участвовал в перестрелке. На самом деле Миртл была в тот момент у себя дома, в ста километрах от места происшествия.

«Не имеет отношения к делу», — изрекал судья, отметая восемьдесят процентов материалов защиты. И «беспристрастный» суд присяжных (кстати, состоявший только из белых) вынес приговор — «два пожизненных срока последовательно». Приговор этот не удивил никого, меньше всего — самого Пелтьера, сказавшего в заключительном слове, что он предвидел исход процесса, политическая цель которого — дискредитация Движения американских индейцев. «Тысячи людей в Соединенных Штатах, Канаде и в других странах мира, — сказал он, — поддерживали и будут поддерживать меня и разоблачать несправедливость, совершенную в этом зале».

«МЫ ПОМНИМ!»

В рассказах моих собеседников, участников Самого длинного похода, этот марш выглядел как не такое уж утомительное дело. Ну, подумаешь, зима, ночевки в тепи (подобие палатки) и фургонах. Подумаешь, десятки миль в день («Мы привычны к ходьбе»). А всего три тысячи миль... «Ничего, прошли», — пожимает плечами Антонио Салинас.

Антонио присоединился к Самому длинному походу как раз в середине пути, когда караван двигался по Канзасу.

— В Миннеаполисе мы слились с пробегом «За выживание». Он назывался так потому, что в нем участвовали ученики «школ выживания». Таких школ уже шестнадцать, и их популярность среди индейской молодежи продолжает расти. Но о них лучше расскажет Марси Джилберт.

— В буржуазной прессе про наши школы пишут всякие небылицы. Будто мы обучаем выживанию в условиях дикой природы, обращению с оружием. — Марси смеется. — Все ложь. Мы учим, как стать настоящим индейцем. В каком смысле? Прежде всего мы хотим дать нашей молодежи то, чего ей не дают государственные школы: знания об истории, культуре, обычаях своего народа. Наши ученики узнают правду о политических заключенных — наших сестрах и братьях, которым правительство США пытается зажать рот, о тех, кто боролся и борется за то, чтобы индейские юноши и девушки обрели свое национальное достоинство и свободу. Многих из них уже нет в живых, но мы помним их имена. Наша школа так и называется: «Мы помним!» Она была создана женщинами-активистками Движения американских индейцев в 1974 году в Рэпид-сити, Южная Дакота. Позже мы перебрались в Поркупайн, это в резервации Пайн Ридж. Оттуда начался наш пробег «За выживание» длиной в пятьсот миль.

Пайн Ридж — одна из крупнейших и одновременно беднейших резерваций. Лучшие земли давно откуплены правительством (с помощью все того же Бюро по делам индейцев) и сданы в аренду белым фермерам. На территории резервации было найдено золото. Прииском завладела и нажила на нем миллиарды долларов корпорация Уильяма Рандольфа Херста. Индейцам от этого золотого потока не перепало ни капли, ни цента, тогда как по договору от 1868 года, подписанному правительством США и народом сиу, половина природных богатств должна принадлежать жителям резервации.

В свое время индейцев выселили в такие бесплодные места, что казалось, о землях этих никогда и не вспомнят. Быть может, поэтому федеральная власть с легким сердцем подписывала договоры, в которых правительство США и отдельные индейские племена выступали как равные стороны. Таких документов насчитывается около четырехсот. С высокомерием сильнейшего Белый дом забывал — как ему тогда казалось, навсегда — о каждом таком «клочке бумаги», раньше чем на нем просыхали чернила.

Индейцы, однако, никогда не забывали об этих юридических документах. Но Вашингтон мало беспокоили демарши, предпринятые ими, скажем, в 1926 году — жалоба в Лигу Наций, или в 1947-м — обращение в ООН. Беспокойство наступило вместе с Алькатразом. Оно усилилось после похода индейцев на Вашингтон в 1972 году, который назывался «Тропой нарушенных договоров», и недельной оккупации здания Бюро по делам индейцев. Затем последовали события в Вундед-Ни («Ровесник» писал о них в № 12 за 1973 год) и другие выступления в резервациях по всей стране.

К середине 70-х годов выяснилось, что «бросовые» индейские земли — настоящее золотое дно. На территориях резерваций залегает 30 процентов всех запасов угля США, 30 процентов — нефти, 20 процентов — природного газа и до 90 процентов — урана. Теперь договоры с индейцами, носящие характер международно-правовых документов, превратились в обузу для монополий. И конгресс занялся подготовкой к окончательному «упорядочению отношений» с индейцами, возомнившими себя хозяевами отведенных им резерваций. Подготовлены законопроекты, одобрение которых будет означать для индейцев формально — полное уравнение в правах с остальным населением, а фактически — одностороннее аннулирование Вашингтоном всех договоров, которые хоть как-то сдерживали натиск горнорудных, нефтяных, лесоразрабатывающих и других компаний на резервации.

22 июля участники Самого длинного похода вручили представителю Белого дома обширный документ — «Манифест американских индейцев», в котором вновь потребовали от правительства США соблюдения подписанных президентом США договоров с индейцами.

— Как, по-твоему, — спросил я Роберта Накаидинае, индейца навахо, — можно ли считать поход удавшимся?

Он ответил не сразу:

— В основном да. То, что зависело от нас, мы сделали хорошо. Теперь стало гораздо больше американцев, которые будут судить о нас не по ковбойским боевикам. Но мы надеялись, что нас примет и выслушает президент Картер. Этого не произошло. И все же да, поход удался.

— Кстати, мы не считаем, что поход закончился, — сказала Ворми Карлсон. — Мы продолжаем его здесь, на фестивале.

На прощанье Марси подарила мне написанную ею брошюру о школе «Мы помним!». На последней обложке под изображением индейского всадника с копьем — стихи индейского поэта Джо Лафферти.

Как вольно ветер гуляет по прериям,
так буду волен и я.
Как кровь индейская красна моя,
так красен буду и я.
Как щедро землю поит весна,
так буду щедр и я.
Как честен луны и солнца свет,
так честен буду и я.
Как любит сына каждая мать,
так буду любить и я.
Как лань нежна, как вечер тих,
так нежен буду и я.
Как дуба корни в земле сильны,
так буду силен и я.
Как свободно песня моя летит,
так буду свободен и я.

ГАУЧО ПРОТИВ ПРОГРЕССА

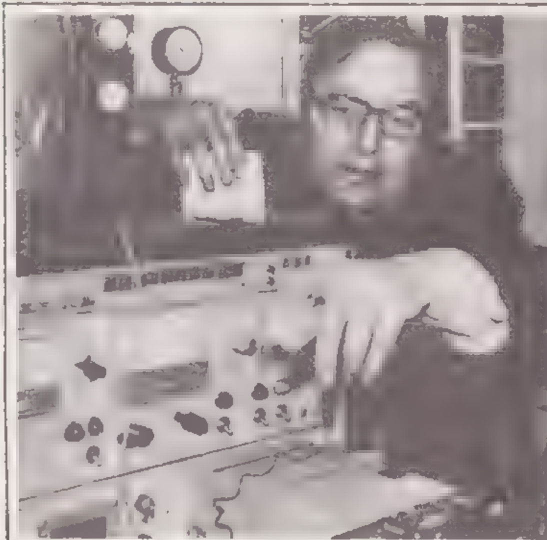
При взгляде на красочный костюм аргентинского пастуха — гаучо кажется, что они и вправду ведут, как говорится в легендах, «жизнь вольную, подвластную лишь солнцу и ветру прерий». При более близком знакомстве этот образ тускнеет. Гаучо были и остаются наемными работниками. Причем в последнее время владельцы стараются интенсифицировать труд пастухов, сокращая их число. Дон Херес из района Кордовы, которого вы видите на снимке, один заботится о стаде в 1200 голов. Когда-то за ловкость его прозвали «царем гаучо». Но у «царя гаучо» далеко не царская жизнь. Он встает до рассвета и ложится поздно, проводя в седле по пятнадцать часов в день. О воскресном отдыхе или об отпуске даже не мечтает. И все это ради небольшого заработка, которого едва хватает его семье. В свои 47 лет он не умеет ни читать, ни писать. В Кордове он был всего один раз, а где находится Буэнос-Айрес, понятия не имеет. Хозяин сказал, что намерен оборудовать пастбище «электропастухом» — огородить владение проволокой, по которой пропущен слабый электрический ток. А значит, Херес останется без работы. «Таков ход прогресса», — наставительно сказал хозяин. «Нам, гаучо, не нравится прогресс», — решительно заявил дон Херес. Действительно, за что любить такой прогресс?

ДЕЛО НЕ В ШЛЯПЕ

Пляжная шапочка на голове известного французского шансонье Шарля Азнавура вовсе не означает, что артист отдыхает. На знаменитом курорте Сен-Тропе отдыхает его семья, а сам Азнавур и в Сен-Тропе работает. «Никогда я не работал так напряженно — у меня ведь долг в десять с половиной миллионов франков. Его составили налоги, которые, по мнению казначейства, я не доплатил. Мое мнение таково: налоговое ведомство избрало мишенью артистов для того, чтобы отвлечь внимание общественности от магнатов, перекачивающих капиталы из одного кармана в другой и скрывающих свои прибыли. Я, конечно, выплачу этот долг. Но он будет последним».

В этом году Азнавур переехал на жительство в Швейцарию, подчеркнув, что он «не перестал быть французским певцом» и надеется на «дружбу своей обычной публики».

О «КЛОПАХ», САНИТАРАХ ОБЩЕСТВА

«Клопами» на языке профессиональных шпиков называют крохотные устройства для подслушивания. В распоряжении г-на Херольда, шефа западногерманского федерального ведомства по уголовным делам, много и других «полезных» электронных тварей, с помощью которых он рассчитывает сделать общество самым здоровым. А что об этом думает само общество? Тотальный электронный сыск в ФРГ «попахивает возвращением к методам деятельности гестапо», — пишет журнал «Штерн». На снимке: шеф в рабочий момент — еще одно досье, добытое «клопами».

СЪЕЗЖАЛИСЬ ТЕАТРЫ...

...в Каракас. Там проходил Международный фестиваль, организованный ЮНЕСКО. Съезжались театры из 47 стран, театры разные: уличные, кукольные, традиционные, авангардистские. Прогрессивная печать Венесуэлы говорила об успехе фестиваля, который отличался ярко выраженной антиимпериалистической направленностью. И в этом проявилось веление времени — не было тут никакого «всемирного заговора театров», как утверждали реакционеры от политики и культуры. Театры напомнили об историях давних — как завоеватели сгоняли коренных жителей обеих Америк с их земель; театры рассказывали истории современные — как сгоняют коренных жителей обеих Америк с их земель. Театры говорили о том, что борьба народов непременно увенчается победой в каждом краю Земли. Интересен и разнообразен был сценический язык коллективов, прибывших с трех континентов. Причем выразительность средств подчас не требовала перевода. Особым успехом у зрителей пользовался спектакль колумбийской труппы «Сантьяго Гарсиа и Канделария», поставленный по книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

НОВОСТИ ЗООЛОГИИ. Как сообщает американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», администрация Стокгольмского зоопарка наконец-то подыскала работу для своей королевской кобры — ночным сторожем в террариуме.

Такое разжалование из королевского звания в рядовые вахтеры было вызвано, по заявлению заведующего террариумом, тем, что в последнее время участились случаи ограбления: крали экзотических рыбок, черепах и пресмыкающихся. Теперь перед закрытием зоопарка в террариум выпускают из клетки огромную, длиной почти пять метров королевскую кобру. А на дверь вешают надпись: «Опасно! Дежурит кобра!» С тех пор в зоопарке не отмечено ни одного случая ограбления.

А ЧТО РИСУЮТ?

Без слов...

(«Штерн», ФРГ)

ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ

Этому человеку исполняется в этом году триста лет, а созданная им музыка все так же молода, жизнерадостна и чарующа, как и тогда, когда она впервые зазвучала на народных празднествах родной Венеции. Имя его Антонио Вивальди. Он был священником, но отцам церкви пришелся не по вкусу странный коллега, виртуозно игравший на скрипке и сочинявший явно «мирскую» музыку. И Вивальди между служением богу и служением музыке выбрал последнюю. Его одаренность поражала всех, а работоспособность была просто феноменальной (говорили, что он может сочинить концерт быстрее, чем копиист переписать его!). Вивальди написал 734 концерта, 22 симфонии, 73 сонаты, несколько опер, а также музыку к 94 театральным представлениям. Увы, судьба его не отличалась от удела многих талантов: он умер в бедности на чужбине, а его музыка была вскоре забыта. Лишь через двести лет композитора заново открыл Мендельсон. Что касается нашего времени, то сегодня Вивальди занимает одно из ведущих мест в «хит-парадах», если вести подсчет по наиболее часто проигрываемым в молодежных барах Италии пластинкам.

«ВИКТОРИ» ЗНАЧИТ «ПОБЕДА»

Люди, сложившие пальцы латинской буквой V, празднуют победу: «Аполлон» снова на орбите. Нет, вы не пропустили очередной запуск американского космического корабля: «Аполлон» — это кабаре в самом центре Гарлема. Самое известное и уважаемое в Гарлеме кабаре, его культурный центр. А поскольку Гарлем называют столицей негритянской Америки, «Аполлон» по праву считают культурным центром черных американцев.

Первый «запуск» «Аполлона» состоялся в 1935 году. На его подмостках выступали великие артисты, которыми гордится Америка: Лидбелли и Дюк Эллингтон, Нина Симоне и Джеймс Браун, Билли Холидей и Луи Армстронг.

В конце шестидесятых власти прикрыли «Аполлон», считая его «рассадником беспорядков» — иными словами, антирасистских настроений. Прошли годы, черная Америка все настойчивее добивалась уважения своих человеческих прав. И вот под давлением общественности власти Нью-Йорка вновь выдали разрешение на открытие «Аполлона».

Гвоздем программы первого вечера было выступление фольклорного ансамбля из Соуэто, Иоганнесбург, — того самого Соуэто, что стал символом борьбы против расизма на Юге Африки.

НОВОСТИ МУЗЫКИ. Прошедшим летом в Японии наибольшей популярностью пользовалась долгоиграющая пластинка под названием «Шум прибоя с острова Ямайка» в исполнении музыкального ансамбля «Прибой».

Этот ансамбль еще никому не довелось увидеть воочию, потому что такового в природе нет. Вернее, в природе он есть, но в действительности его нет, потому что это вовсе не музыкальный ансамбль, а просто запись шума настоящего морского прибоя и плеска морских волн в заливе Монтего-Бей на острове Ямайка.

Запись совершенно случайно сделал японский кинооператор Симпей Асаи. Однако она так понравилась японцам, что фирма «Сони», дополнив шум морских волн нежным перезвоном гавайской гитары, выпустила пластинку в продажу.

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ

Дитхильд Бухгайм никогда не предполагала, что способна создать произведение искусства. Правда, в свое время она пыталась заниматься живописью, но авторитеты убедили ее, что к этому занятию она совершенно непригодна. Тогда она начала выклеивать забавных зверюшек и птиц из листьев и мха для маленького сына.

Мальчик давно вырос, а мама все трудится и трудится над созданием новых зверей. Наиболее ценные экземпляры фауны, созданной руками госпожи Бухгайм из флоры, собраны в книге, выпущенной недавно в ФРГ. Справедливости ради добавим, что книгу выпустило издательство, принадлежащее супругу госпожи Бухгайм.

РЫНОК ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Барри ФЭРРЕЛЛ,
американский писатель

Люди, обслуживающие массовые вкусы, нуждаются для рекламы в лицах известных, могущих стать этакими точками отсчета.

Безвестность имени и лица избавляет меня от опасности быть слишком докучливым. Меня редко узнают на улицах, и не рождает мое лицо в сознании масс ни представлений о богатстве, ни ассоциаций с чем-то жутко модным. Но я допускаю мысль, что в один прекрасный день кто-то сильно поверит в меня, кто-то подумает, что я могу одной улыбкой избавить человечество от многих забот, и вот тогда я заявлюсь на телевидение и расскажу всем, как этот вот патентованный костыль или вот этот патентованный эликсир подняли мою жизнь на неизмеримую высоту. Они, значит, покажут меня по телевизору, и вокруг меня будет мельтешить толпа великолепных девушек, и лысина моя исчезнет, и рубашка моя будет расстегнута, обнажая великолепный торс. А вы будете сидеть и думать: «А что в нем такого, чего нет во мне?» И вы помчитесь в магазин, и вы купите то, что есть у меня, и это уравняет вас со мной, таким знаменитым и красивым.

Размечтался... Потому что я, по правде говоря, вовсе не желаю призывать мир копировать мои личные вкусы и пристрастия; кстати, вот странно — киноактеры Пол Ньюмен и Марлон Брандо тоже этим не занимаются. Они не нуждаются в самоутверждении такого рода. Мы, Брандо, Ньюмен и я, вовсе не собираемся связывать свою личность с бутылками или коробками чего-то. Нам не нужна такая известность. В общем-то, мы не так уж заинтересованы и в деньгах.

Но дело-то, оказывается, в том, что большинство знаменитостей в деньгах нуждаются. Никто не знает, сколько они зарабатывают на самом деле, но никто и не удивляется, когда видит их в дурацких телероликах, где они являют себя миру в скромных ролях оплаченного энтузиазма. По части шоу-бизнеса никто ныне не девствен. Я окончательно убедился в этом, когда узнал, что любимый мой игрок Вилли Мойз оставил бейсбол только для того, чтобы рекламировать средство от пота.

Вообще же я сильно сомневаюсь, что знаменитости действительно потребляют все те товары, которые рекламируют, скорее всего они просто лгут. Могу сослаться на одного киноактера, который рекламировал галстуки, которые сам, как он мне по секрету признался, в жизни не наденет. А посему мне хочется напомнить знаменитостям один закон, принятый недавно федеральной торговой комиссией: «Реклама должна отражать истинный взгляд того, кто рекламирует, на то, что он рекламирует».

Вряд ли стоит говорить, что этот закон направлен на дискриминацию знаменитостей: ведь совсем не обязательно, что знаменитость носит готовые вещи фирмы такой-то или что ей просто необходим стиральный порошок фирмы такой-то. Может,

знаменитость вообще не любит стирать. Когда знаменитость обнаруживает свою особую заинтересованность в средстве от бородавок, это вовсе не значит, что это средство от бородавок ей или ему так уж необходимо — знаменитость просто общается таким образом со своими поклонниками. Компетентный телезритель прекрасно понимает, что суперфутболист Джо Намат не является таким уж специалистом по поеданию воздушной кукурузы — просто телезрителю, когда он эту кукурузу ест, кажется, что в этот момент он похож на Джо Намата. Это элементарный случай, и федеральной торговой комиссии лучше бы держаться от этого дела подальше.

Но, по-моему, реклама будет срабатывать лучше, если публика будет четко осознавать, что тот или иной рекламный жест знаменитости всего лишь способ заработать очередную пригоршню долларов, акт чистой торговли: я вам свой образ — вы мне свои деньги. И тогда поклонники избавятся от многих душевных травм (потому что только псих может поверить, что Ален Делон носит рубашки из синтетики).

Однажды я увидел рекламу, в которой киноактер Питер Устинов высказывает восхищение винами братьев Галло. Этот великий человек заявил, что, когда он посетил виноградники «моих друзей Эрнеста и Джулио Галло» в Калифорнии, чьей «страстью является создание прекрасных вин», он имел «колоссальное удовольствие распить с ними бутылочку «Рипппля». Скажу вам откровенно — я посещал «виноградники» братьев Галло. Для полного сходства с нефтеперерабатывающим заводом им не хватает только дохлых птиц.

«Рипппль» был новым в серии дешевых клопоморов, выпускаемых братьями Галло (90 миллионов галлонов в год), и я подумал — может, Питер Устинов большой оригинал и обожает этот уксус? Потому что я никак не мог взять в толк: у Питера Устинова роскошная яхта, апартаменты в Париже и дом в Швейцарии, у него в коллекции картины Домье, Тулуз-Лотрека, шесть тысяч пластинок, уникальная псарня, и вообще он известный мот — не станет же он экономить на вине?

Потом я придумал такую версию: Питер Устинов и братья Галло — давние друзья, и вот он пошел на эту рекламу из самых что ни на есть альтруистических побуждений. (Вообще мне часто приходит в голову такая утешительная мысль, когда я вижу, как «звезды» рекламируют нечто, мягко говоря, непотребное: по какой же еще причине Софи Лорен могла заявить о своей любви к средству для очистки ванн фирмы «Сэпир энд Рознек»?) Интересно, подумал я, где они познакомились, при каких обстоятельствах?

И вот я позвонил Питеру Устинову, чтобы выяснить эту загадку. Я говорил измененным голосом: «Эрнест Галло сказал, что я в любой момент могу к мистеру Устинову обратиться, а мне как раз...» Тут меня перебили: оказывается, Питер сейчас путешествует по Средиземному морю на своей яхте (накануне вечером я видел его в ресторане). Так, здесь осечка. Попробую позвонить в фирму «Галло». Тут меня ждала удача: к телефону подошла дурочка-секретарша и ясным таким, глупым голоском выложила мне всю историю: оказывается, рекламный отдел предлагал сначала Джонни Карсона, но от его персоны отказались, так как лицо его не очень хорошо известно по другую сторону Атлантики. Тогда кто-то предложил Питера Устинова: уж, слава богу, его представлять не надо. «Звезду» посадили на самолет, доставили в Калифорнию, сняли, заплатили — и на этом кончилась любовь.

Честное слово, я даже почувствовал облегчение, узнав, что Питер Устинов врал, заявляя о своей нежной дружбе с братьями Галло. Это его вранье нисколько не повредило ему в моих глазах — что ж, он просто зарабатывал! А вот настоящая дружба с братьями Галло, этими маффиози и мошенниками, мне не понравилась бы. Слава богу, это был обыкновенный акт проституции — «временной привязанности за деньги», как говорят законники.

Но, конечно, со стороны Питера это была некоторая безвкусица — рекламировать продукцию братьев Галло. Мог бы выбрать что-нибудь и получше. В каждой игре есть свои правила, и их надо соблюдать.

А так все в порядке. Брижит Бардо затевает кампанию по охране морских котиков — и рекламирует шубки из норки (которую, естественно, надо убить, прежде чем надеть на прелестные плечики Б. Б.). Ален Делон пьет ликер на глицерине. Альберто Сорди сидит на голубом унитазе. Марджо Хемингуэй торгует именем деда, заявляя, что платья из натурального шелка особенно хороши для фиесты в Памплоне. И восходит солнце. И все в порядке.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

КАЖДОМУ СВОЕ

Дорога на вершину власти заказана тем, кто не пожелает делать реверансы перед актерами, певцами и всей их гвардией продюсеров, менеджеров, звукооператоров. Это наглядно продемонстрировал недавно Джерри Браун, губернатор штата Калифорния, удостоив своим посещением футбольный матч между рок-ансамблем «Иглз» и редакцией журнала «Роллинг Стоун».

«Иглз» — беспроигрышная лотерея. Во время предвыборной кампании 1976 года вместе с певицей Линдой Ронстадт они собрали 185 тысяч долларов в пользу Брауна. В соответствии с действующими законами подавляющее большинство американцев не имеет права вносить свыше тысячи долларов в фонд кампании по избранию президента. Подавляющее большинство, но не представители искусства. Их стремление поддержать того или иного кандидата не ограничено никакими законами.

И вот, используя эту лазейку, Браун выжимает доллары из Ронстадт и «Иглз». Двухчасовой концерт в Лэндовере, штат Мэриленд, — и Ронстадт и К° преподносят Брауну 170 тысяч. Уже тогда кое-кто сообразил, что это только первая ласточка. Слишком очевидна, слишком заманчива была лазейка, чтобы ею не воспользоваться, так что, надо думать, на выборах 1980 года за нее уцепятся наверняка.

Первые же финансовые бюллетени, отражающие развернувшуюся в этом году предвыборную борьбу по избранию губернатора Калифорнии, убедительно показали, что именно шоу-бизнес (в особенности студии грамзаписи) финансируют кампанию Брауна. Бюллетени так и пестрят именами, хорошо известными в мире поп-музыки: Нейл Богарт, президент фирмы «Касабланка Рекордс», пожертвовал 10 тысяч долларов, Джери Мосс, глава «А энд М Рекордс», — 50 тысяч, Джерри Вейнтрауб, менеджер Дороти Хэмилл и Джона Денвера, — 5 тысяч... Этот перечень легко продолжить.

Своим удивительно простодушным, а может быть, просто глупым признанием в интервью корреспонденту «Пэрейд мэгэзин» Джефф Уолд пролил свет на причины такой щедрости. Со снобизмом истинного толстосума, полагающего, что за деньги можно купить все, Уолд заявил, что, если Браун станет президентом, «я не откажусь занять пост председателя демократической партии, ну а моя жена вполне могла бы отправиться послом в Австралию». Пока что Джефф Уолд — менеджер актера Сильвестра Сталлона, и его отчисления в фонд кампании Брауна составили «каких-то» 5 тысяч долларов. Но не это, разумеется, делает его фигуру политически весомой. Куда важнее то обстоятельство, что его жена — певица Элен Редди, и каждый ее концерт приносит сотни тысяч.

Индустрия развлечений, по словам сенатора от Колорадо Гэри Харта, — могучий финансовый рычаг будущего. «И настоящего», — мог бы присовокупить Венделл Андерсон, сенатор от Миннесоты. Фонд его нынешней кампании составил примерно 700 тысяч долларов, из коих добрая треть была сделана его хорошим дружком за какихнибудь два часа в ночь с пятницы на субботу. Для большей ясности расшифруем: хорошего дружка зовут Джон Денвер. Ну а чтобы окончательно поставить точку, сообщим читателю, что Анни, жена этого знаменитого певца, родом из... угадали — Миннесоты, так что Денверы и Андерсоны сто лет уже как дружат домами.

С такими друзьями Андерсону рукой подать до президентского кресла. Судите сами, 21 апреля Джон Денвер заехал, гастролируя, в Сент-Пол. Для того только, чтобы быть представленными ему на приеме, полторы тысячи человек заплатили по сто долларов каждый, а семнадцать с половиной тысяч зрителей приобрели билеты стоимостью в десять долларов на последовавший затем концерт. Складываем: выходит 325 тысяч.

Томас Рис в числе прочих утверждает, что звездам чужд меркантильный принцип «ты — мне, я — тебе», а уж кому, как не ему, разбираться во всех этих тонкостях, как-никак он десять лет был конгрессменом от Беверли Хиллс[1] и западного округа Лос-Анджелеса. «Они обычно ни о чем не просят, — говорит Рис. — Им важна идея — они ведь не от мира сего... Ну а кто похуже, тот гонится за хрустящими, для тех деньги — мерило успеха. Нет, что там ни говори, — подытожил Рис, — а певцов и всю эту актерскую братию выжимают за милую душу. Любой вам скажет то же самое».

Ты выжимаешь — тебя выжимают. Типично американская ситуация. Но тут проглядывает и другая привычная закономерность: кто платит, тот и имеет. Вот только любопытно будет узнать, кто кого в результате выжмет.

А вообще-то реформы — это прекрасно! Где еще, кроме Америки, было бы возможно перевести источник финансирования президентской кампании с Уолл-стрита в бассейн для игры в водное поло в каком-нибудь из отелей в Беверли Хиллс?

Перевел с английского
Г. ЗАЙЦЕВ

[1] *Беверли Хиллс — район Лос-Анджелеса, где живут знаменитости Голливуда. — Примеч. ред.*

«МЕЛОДИЯ» В 1979-м

На традиционный вопрос «Ровесника» о планах фирмы «Мелодия» по выпуску лицензионных пластинок отвечает старший редактор фирмы Валерий БУГАЕВ:

— Начну с ответа на самый острый вопрос, который задают в письмах ваши читатели: о тиражах пластинок. Причем вопрос этот касается в основном записей эстрадных исполнителей. Да, тиражи ограничены — по условиям договоров с зарубежными фирмами. Причем читатели часто приводят в пример опыт других социалистических стран — там лицензионные диски купить легче. Но ведь тиража, достаточного, скажем, для Польши, недостаточно для нашей огромной страны. Это во-первых. Во-вторых, сколько любителей музыки, столько и вкусов, и мы стремимся удовлетворять их как можно полнее. Кто-то предпочитает джаз — и у американской фирмы АБС мы покупаем лицензии на выпуск пластинок мастеров джаза — «Какой удивительный мир» (Луи Армстронг), «Дюк Эллингтон встречается с Коулменом Хокинсом» и др.; у этой же фирмы мы купили пластинки эстрадных певиц — Коры Вокер, Барбры Стрейзанд, Ширли Бесси; пластинку популярного вокально-инструментального ансамбля «Мамас энд папас»; электроорганиста Алекса Сильванни. Это только у АБС. А покупаем мы лицензии на записи зарубежной эстрады и у фирм других стран: у шведской фирмы «Полар мюзик АБ» мы приобрели два последних диска ансамбля «АББА», у фирмы ФРГ «Ариола — Эвродиск» — пластинку ансамбля «Бонни М».

Но лицензионные записи — это ведь не только эстрада. Так, для тех, кто любит старинную музыку (а возрождение интереса к ней, особенно среди молодежи, отмечается сейчас во всем мире), мы издаем диск, посвященный творчеству испанского композитора XVI—XVII веков Томаса Луиса де Виктория. И еще одна пластинка, где собраны образцы итальянской, немецкой, английской и французской светской музыки XII—XVII веков. Интересен двойной альбом американской фирмы «Си-Би-Эс» с записями Третьей, Четвертой и Пятой симфоний, а также увертюры «Гебриды» Ф. Мендельсона в исполнении Нью-Йоркского филармонического оркестра под управлением выдающегося дирижера современности Леонарда Бернстайна. Выпускаются также записи знаменитых оперных певцов США, Италии, других стран.

Я назвал здесь лишь малую толику наших новых приобретений — журнальной страницы не хватает для более подробного перечисления. И, уверяем вас, фирма «Мелодия» знает о ваших запросах и ведет постоянную (и отнюдь не легкую) работу для того, чтобы ответить на них.

Цена 25 коп.
Индекс 70781